

Анна Белоконова

Синдром Демичурга

16+

Анна Белоконева
Синдром Демиурга

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Белоконева А.

Синдром Демиурга / А. Белоконева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Главная героиня - семнадцатилетняя Нина впервые испытывает чувство любви. Она настолько счастлива, что решает поделиться этим с родителями, но в день знакомства события принимают неожиданный оборот. Плыть по течению или пойти наперекор семейным ценностям ради собственного счастья? Делая выбор, Нина даже не подозревает, какую цену ей придётся за него заплатить.

© Белоконева А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

От автора	6
Синдром Демиурга	8
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эту книгу я посвящаю моим любимым родителям Ивану Григорьевичу и Валентине Аркадьевне Лемешко, а также моим замечательным детям Максиму, Илье и Екатерине, которые делают меня счастливой.

Я выражаю благодарность людям, без которых эта книга не увидела бы свет: моему супругу Александру за его терпение и поддержку, Торбенко Наталье и Ардатовой Надежде Валентиновне за их прямолинейность и искренность.

А также издательству РЕГТАЙМ и лично Корниловой Алле Михайловне.

Демиург – в христианском богословии одно из именовании Бога как создателя и строителя всего существующего.

От автора

В жизни часто случается, что родители принимают решения за детей, полагаясь на свою мудрость и жизненный опыт. Порой родительские советы действительно оказываются верными и уберегают молодых от многих ошибок.

Но у каждого человека бывают такие моменты, когда решения надо принимать самостоятельно, делать выбор, идти своим путём. А родители? Наверное, надо уметь быть рядом, готовыми защитить и поддержать в случае неудачи, и искренне радоваться каждому успеху самого близкого и родного человека.

A. Belokoneva

Синдром Демиурга

Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется.

Ф. И. Тютчев

Эта история началась летним днём 2000 года. Юная семнадцатилетняя девушка лёгкой походкой шла по Арбату. Погода щедро одаривала её своим теплом, и от счастья она сияла так же, как это ласковое июньское солнце. И для счастья была весомая причина – абитуриентка стала студенткой престижного ВУЗа. Своей улыбкой девушка настолько очаровывала прохожих, что они невольно отвечали ей взаимностью. Мужчины оглядывались вслед, а женщины, чаще всего с завистью, заглядывались на изящную фигуру девушки, которую прекрасно подчеркивали белая блузка и модные джинсы клеш. Изумрудно-зелёные глаза, кокетливо смотрящие на мир из-под озорной чёлки, как нельзя лучше гармонировали с чёрными смоляными волосами, аккуратно заплетёнными в тугую косу. Правильной формы нос с чуть вздёрнутым кончиком с удовольствием вдыхал аромат цветов, которые разноцветным многообразием цвели на городских клумбах, похожих на кружевные розетки.

Она шла мимо высоких домов, и их архитектурное великолепие радовало её неискушенный взгляд. Люди спешили по своим делам. Но не все. Иные шли не спеша, наслаждаясь атмосферой шумного Арбата. В одном месте молодые люди танцевали уличные танцы, вовлекая случайных зрителей и параллельно обучая их сложным брейк-па и тазовым движениям весьма сексуально-пряного вида. В ста метрах от них симпатичный парень губами имитировал то бумбокс, то скрипку, то саксофон. У театра Вахтангова молодежь проникновенно пела Монгол Шуудан – «На московских изогнутых улицах...» на стихи Есенина. А через квартал студент в рваных джинсах до мурашек похожий на Есенина, преклонив колено перед памятником Окуджаве, читал ему его же стихи. Недалеко, на скамейке, подвыпивший человек без определенного места жительства громко и со слезами на глазах декламировал Маяковского (что-то из посвященного Лиле Брик). Цветы, художники, запах кофе: всё это завораживало юную девушку.

Увидев неподалеку ларёк с мороженым, она поджала пухлые губки в предвкушении ощутить вкус холодного лакомства. Расплатившись за эскимо, присела на скамейку.

«Ты молодец, Нина, – сказала девушка сама себе, – заслужила!» И, аккуратно развернув ледяное яство, жадно пронзила зубами замороженную сладкую массу. Мороженое таяло во рту, оставляя лёгкое послевкусие сливок, и обволакивало горло приятной прохладой. От наслаждения Нина закрыла глаза и с удовольствием подставила лицо солнечным лучам. Задумалась и прислушалась к звукам, доносящимся со всех сторон. Неожиданно она услышала мужской голос, который отвлек её от мыслей.

– Разрешите присесть?

Нина открыла глаза и увидела перед собой молодого человека, еле стоящего на ногах. Она опустила свой взгляд и улыбнулась, увидев, что парень стоит на роликовых коньках и одной рукой держится за спинку скамейки. Не спеша, поднимая свой любопытный девичий взгляд снизу вверх, Нина нарочито оценочно осмотрела незнакомца и, слегка засмеявшись, одобрительно кивнула головой.

– Спасибо, милая девушка, – запыхавшись, молодой человек плюхнулся на скамейку. Вот уж не думал, что это так трудно! И зачем я только поспорил с другом, что смогу прокатиться на роликах!

Он указал рукой в сторону кафешки, откуда звучала приятная музыка.

– На что поспорили-то? – с улыбкой поинтересовалась Нина.

– На желание. Вот уж действительно, я не имел чёткого представления о том, во что ввязываюсь.

Молодой человек приятно засмеялся и пристально посмотрел на девушку. Его карие глаза шурились от солнечных лучей, щекотавших пушистые чёрные ресницы. Густые, такие же чёрные, брови, были слегка приподняты и придавали выражению лица лёгкое удивление. У внешнего уголка правого глаза был заметен небольшой шрам, который оттягивал глаз чуть вниз. Эта асимметрия не портила внешнего вида лица. Застенчиво улыбнувшись, молодой человек протянул руку девушке.

– Меня зовут Виктор.

Немного смутившись и сделав небольшую паузу, она пожала руку в ответ и представилась:

– Нина.

– Прошу прощения, но ваше мороженое практически растаяло и готово упасть на джинсы, – подметил Виктор.

Нина быстро вскочила, ловко достала салфетку из сумочки и, аккуратно завернув в неё мороженое, опустила в мусорную урну. Молодой человек снял ролики и, связав шнурки, перекинул их через плечо.

– Может, прогуляемся? – предложил он.

– А как же ваш друг? Не будет вас искать?

– Лёха-то? Неет! – Виктор улыбнулся. – Он даже будет рад, что я исчез из его поля зрения. Он считает меня конкурентом в своих амурных делах. Уж больно ему нравится Таня, он планировал повести её в кино.

– А вы?

– Что я?

– Вам тоже нравится Таня?

– Таня? Нравится. Она очень хороший человек, но моё сердце рядом с ней бьётся спокойно. А давай перейдём на «ты», Нина?

– Давайте. Ой, давай!

– Чем ты занимаешься? – с неподдельным интересом спросил Виктор.

– Я с сегодняшнего дня являюсь студенткой Российской Академии Музыки.

– Той, что имени Гнесиных?

– Именно! – с улыбкой и гордо ответила Нина. – На вокальный факультет поступила. А ты учишься, работаешь?

– Учусь, на втором курсе медицинского университета имени Сеченова.

– Уже определился, кем хочешь стать?

– Волшебником! – заразительно засмеявшись, ответил Виктор.

– Это как? – удивилась Нина.

Виктор аккуратно взял девушку за руку, что стало для неё неожиданностью и, серьёзно посмотрев в глаза, ответил:

– Это, Ниночка, дарить людям бесценный подарок – здоровье. Это ли не волшебство! Знание плюс желание – вот формула, которая позволит мне делать людей здоровыми, а значит, счастливыми.

Нина отметила про себя, что рядом с ней очень добрый человек. По крайней мере, она сейчас искренне так считала. И от этих мыслей Виктор стал ей ещё симпатичней. Они даже не заметили, что шли, держась за руки.

Гуляя второй час по старинным улочкам центра, Нина неожиданно обнаружила, что её телефон разрядился.

– Ой! – воскликнула она.

– Что случилось?

– Телефон разрядился. Родители будут переживать, если не дозвонятся.

- Так позвони с моего, предупреди, что ещё погуляешь, предложил Виктор.
- Нет, нет, извини, мне действительно пора ехать. Папа не любит, когда я задерживаюсь.
- У тебя такой строгий отец?
- Он не строгий, он заботливый, – улыбнулась Нина.
- По твоей интонации чувствуется, что тебе не очень нравится такая забота.
- Какая такая? – настороженно переспросила Нина.
- Это когда тебя окружают повышенным вниманием, контролируют, решают за тебя проблемы, защищают, даже если отсутствует реальная опасность.
- Ну, я не думала об этом. Мне, кажется, все родители такие, когда любят своих детей.
- Давай я расскажу тебе историю про одного молодого человека, который...
- Виктор, прости, но мне действительно пора домой. Было приятно с тобой пообщаться, – перебила его спутница.

Молодой человек с грустью посмотрел на девушку и сказал:

- Ну, что ж, надо так надо. Ты на метро?
- Да.
- Я тебя провожу.

Они вместе спустились в подземку. Чтобы не потерять Нину в многочисленной толпе, Виктор старался держать её под локоток, ограждая по возможности от лишней давки. Но как ни старайся, а волна народа, особенно в час пик, своей скоростью разбила в глубинах подземной трассы уже не одну пару. Оставшись одна на эскалаторе и не имея возможности сопротивляться толпе, Нина высматривала Виктора, который задержался у кассы, покупая проездной билет.

– Нина! Привет! – раздался знакомый голос на параллельном эскалаторе, на котором тоже стояло много народа.

Нина узнала свою подругу.

– Ритка-Маргаритка, как же я рада тебя видеть! – спустившись с эскалатора и отойдя в сторонку, Нина с искренней радостью обнимала свою школьную подругу, которая год назад улетела в Германию к своему отцу получать заграничное образование.

- Ты классно выглядишь! – сделала Рита комплимент подруге.
 - Да, ладно, – смутилась Нина, – я-то что, вот ты красавица ещё та!
- Подруги снова обнялись.

Нина несколько раз оглянулась в надежде увидеть Виктора.

- Ты кого-то ждёшь? – спросила Рита.
- Да. То есть, нет, – растерянно ответила Нина.
- О! Наша электричка пришла, побежали?
- Наверное...
- Что? Говори громче, Нина, не слышно!
- Да! Побежали!

Рита крепко схватила подругу за руку и направилась в сторону открытых дверей вагона. Протиснувшись в середину толпы, подружки с интересом зашебетали о своём, о девичьем. Нина с интересом слушала подругу, но внутри её было лёгкое сожаление от внезапного расставания с новым знакомым.

Отдельно хочется описать духовный облик Нины. Эта девушка обладала очень добрым, мягким характером. Она относилась к тем редким натурам, добротой которых часто злоупотребляли. Безгранично любя и уважая своих родителей, она во всём с ними соглашалась. Несмотря на отцовский контроль, который тот тщательно маскировал под заботу, она росла ответственным человеком, способным заботиться о себе и о других. Нина очень любила жизнь и наслаждалась ею каждый день, но своей непоколебимой искренностью она многих раздражала. В мире тщеславия и зависти всегда недобро смотрят на таких людей. Жестокий мир часто

затягивает в свои сети подобные личности, ломает их и делает своими рабами. Такой и была Нина в этом утилитарном мире.

Когда девушка вернулась домой, отец был занят делами в своем кабинете, а мама заваривала свежий чай на кухне. В руках опытной хозяйки это всегда была настоящая церемония. Елена Евгеньевна любила готовить и делала это превосходно. Супруг гордился таким талантом своей жены. Она с легкостью кружилась среди разнообразной кухонной утвари, и со стороны можно было сразу заметить, что этот процесс приносит ей удовольствие. Когда просторную кухню сквозь большое окно заливал солнечный свет, её волнистые волосы, всегда аккуратно собранные и уложенные в элегантную прическу, казались еще более золотыми. Несколько локонов, непослушно вырвавшись из прически, кокетливо обрамляли лицо с двух сторон. Упругая светлая кожа сияла свежестью и здоровьем. Длинная, словно лебединая, шея всегда была украшена жемчужной нитью. Глаза у Елены Евгеньевны были изумрудно-зеленого цвета, сверкающие, гордые, но, в то же время, необыкновенно добрые. Именно её цвет глаз наследовала дочь. Прямой нос, еле заметные веснушки и пухлые чувственные губы делали её образ неотразимым и таким притягательным для супруга. Елена очень щепетильно относилась к своей фигуре и всегда держала форму. Ростом она была чуть ниже среднего и не представляла себя без каблучков. Стараясь быть идеалом для супруга, она носила элегантные платья и костюмы даже дома. Халат могла себе позволить только в единственном случае – после душа. Имея медицинское образование, она всё же была домохозяйкой. Это было решение мужа, который считал, что создавать уют и беречь домашний очаг есть прямое предназначение женщины. И она с большим удовольствием заботилась о своих родных и близких людях, тщательно следя за их здоровьем.

– Мама! Папа! – закричала Нина, находясь еще в прихожей. – Я дома!

– Ниночка, дорогая, как всё прошло? – мать поспешила из кухни навстречу дочери.

– Давай позовем папу, и я вам всё расскажу, – нежно целуя мать в щеку, сказала Нина.

Они вошли в кабинет к отцу. В это время он с кем-то общался по телефону.

– Проходите, – тихо сказал Николай Георгиевич, прикрывая рукой трубку, – я скоро освобожусь.

Елена Евгеньевна и Нина расположились на кожаном тёмно-зелёном диване. Напротив них стоял массивный двух-тумбовый стол из благородного дерева, в нижней части которого, под прямоугольной столешницей находилась ниша с ящиками по сторонам. Стол был покрыт кожаным бюваром в цвет мебели. Слева на нём стоял дорогой итальянский светильник. Посередине – мраморный настольный набор малахитового цвета, увенчанный двумя фигурками лошадей из белого золота. А семейная фотография в рамке в виде антикварной статуэтки располагалась по правую руку и радовала глаз хозяина, разбавляя своей изысканностью строгость интерьера. Это был подарок супруги на десятилетнюю годовщину их свадьбы. С тех пор рамка и стоит, меняется только её содержимое по мере того, как подрастает дочь. Бумаги хаотично лежали на столе, и Николай Георгиевич, слегка покачиваясь в кожаном тёмно-зеленом кресле, ловко помечал что-то то на одном, то на другом листе, заполняя бесконечные таблицы. В углу, справа от дивана, на котором сидели его жена и дочь, стоял высокий шкаф, заполненный папками и коллекционными книгами. Но в кабинете это была не единственная коллекция. Хозяин имел большой бар, в котором были собраны спиртные напитки практически со всего мира. И нередко успешно заключённый договор закреплялся распитием дорогого напитка. На стене, что находилась сзади Николая Георгиевича, висела копия полотна Клода Моне «Пиния в Антибе». Ему нравились картины импрессионистов, и данный подарок друга хорошо гармонировал с обстановкой кабинета. А горы на пейзаже, по мнению знающих людей, символизировали надёжность и успех, что не могло не ободрять успешного бизнесмена. На противоположной стене висели старинные часы, подарок родителей, которых уже не было в живых,

но память о них всегда была жива в сердце любящего сына. Над входной дверью висел образ Спаса Вседержителя, перед которым часто склонялся в благодарственных молитвах хозяин дома. Николай Георгиевич прекрасно понимал, что внимательно изучая интерьер и оценивая каждый предмет, можно узнать о характере, вкусах и привычках человека. Именно поэтому он лично занимался обустройством своего рабочего пространства и старался, чтобы всё органично вписывалось в общую концепцию дома, не вызывая чувства когнитивного диссонанса у домочадцев и гостей.

На журнальном столике рядом с диваном под газетами Нина заметила книгу. Это был Макс Фриш «Назову себя Гантенбайн». Закладка была на сто девяносто шестой странице. Нина захотела прочесть несколько страниц, чтобы понять, о чём книга, но тут Николай Георгиевич положил трубку и перевёл свой взгляд на любимых женщин.

– Заинтересовала книга? – с улыбкой спросил отец.

– Ну, так... немного... Просто хотела узнать, о чём она.

– О том, что перед человеком всегда открыты два пути. Но один из них воплощается в действительности, а другой можно прожить лишь в воображении.

Николай Георгиевич сделал паузу и задумчиво посмотрел в окно.

– Дорогой, – нарушила тишину супруга, – Ниночка хочет нам сказать что-то важное.

– Да, я заметил, что дочь светится от счастья. Что так взбудоражило мою девочку?

– Я поступила в институт! – громко и гордо объявила Нина.

– В какой именно? Ты же подавала документы в три ВУЗа, – переспросил отец.

– В Гнесинку, конечно!

– Умница наша! – Елена Евгеньевна обняла и расцеловала дочь, незаметно вытирая накатившие от радости слёзы. – Я всегда знала, что ты у нас талантливая девочка.

– Музыка, значит...

– На вокальный факультет, если быть точнее, папа.

– Ну, что ж, дочь, это твой выбор, и я его принимаю. Поздравляю, милая. Только вот...

– Что? – насторожилась Нина.

– Да я всё думаю, как потом тебя, человека творческой профессии, ввести в курс дела моего бизнеса. Тебе ведь это совершенно неинтересно. Верно? – со скрытой надеждой в глазах посмотрел Николай Георгиевич на дочь.

– Ты прав, папа. Я совсем далека от этого.

– Ничего. Сегодня далека, а завтра всё может измениться. Одной музыкой сыт не будешь.

– Ну, хватит, Николай. Снова ты за своё, – вмешалась в разговор Елена Евгеньевна. – Ниночка выйдет замуж, и ты передашь своё дело зятю. А дочь пусть занимается тем, что ей по душе.

– Дети не всегда могут понять, что им действительно по душе, для этого и существуем мы, родители, чтобы подсказать, направить.

– Давайте лучше отметим это событие в ресторане! – предложила супруга, не дав мужу закончить свою мысль, которая и так была всем понятна.

– Кхе, как у вас, у женщин, всё просто иногда бывает, – улыбнулся супруг. – Ну, что ж, ресторан, так ресторан. Собирайтесь. А мне понадобится пара часов, чтобы уладить важные вопросы.

Никто не возражал, потому что пара часов для женщин – это капля в море времени. Елена Евгеньевна ушла в свою комнату, а Нина уединилась у себя. Переодевшись, она засмотрелась в окно на двух голубей, которые нежно ворковали друг с другом. Что-то печальное коснулось её сердца. Она присела на подоконник и со светлой грустью вспомнила утреннее знакомство с молодым человеком. Воспроизвела в памяти его тёмные, как ночь, глаза с поволокой и поймала себя на мысли, что очень бы хотела увидеться с ним ещё раз. Спыхватившись, что

забыла сообщить подружкам хорошую новость, Нина взяла телефон в руки, но вспомнила, что он абсолютно разряжен. Пришлось реанимировать. И после того, как гаджет напитался жизненной энергией, стала обзванивать подруг, делясь с ними своей радостью и гордо сообщая, что стала студенткой престижного университета.

Николай Георгиевич был очень сосредоточен в лежавших перед ним схемах, и если бы кто-то попытался сделать то же самое, двух часов ему бы однозначно не хватило. Но такой серьёзный человек, как Чепкасов, всегда точно мог определить себе временные рамки решения вопроса и строго им следовать. Это была одна из его отличительных черт, за которую его уважали партнёры.

Отец прекрасного семейства, родом из Грузии, был человеком незаурядным. Брюнет, роста около ста семидесяти восьми сантиметров, спортивного телосложения, темпераментный. Будучи молодым человеком, он потерпел фиаско в делах любовных. Тогда он потерял не только свою девушку, Алису из страны чудес, как он её ласково называл, но и лучшего друга, за которого она вышла замуж по настоянию своих родителей. Но больше молодого Николая обидело то, что Алиска даже не попробовала перечить им, а безропотно покорилась. Мужское самолюбие было задето. Он не понимал, как можно отречься от любви, даже ради отца, который больше всех способствовал заключению брака. Это же бред! Но выбор был сделан. После этого Николай бросил всё и уехал в Питер к дяде Василию, который часто звал его в гости. На тот момент дядя владел небольшим рестораном. Ну, как сказать владел? В 70-е годы ресторан был предприятием общественного питания, которое официально считалось государственным. Но в этой области существовали внутренние неформальные законы. «Владельцы» и обслуживающий персонал состояли из людей, которых бурно осуждали в обществе. Однако их это мало беспокоило. Дядя с радостью встретил племянника и устроил его работать швейцаром – главным человеком в ресторане в то время. У Николая появились хорошие деньги, свобода. Талантливый молодой человек подмечал, что и как делается, во всём помогал, чем очень радовал своего родственника. Кровных детей у дяди Василия не было, поэтому он с большим удовольствием посвящал одарённого племянника в свои дела. С детства приученный к труду, Николай всё делал быстро и на совесть. Он всегда мечтал путешествовать и даже составил себе список стран, в которых хотел бы побывать. И как только такая возможность представилась, он осуществил все свои мечты. О своей семье никогда не забывал и регулярно помогал им деньгами.

Несколько лет спустя Николай с дядей поехали покорять Москву, где начали своё дело с небольшого кафе. Позже это переросло в сеть дорогих столичных ресторанов. Но всегда и везде есть свои законы, столица не стала исключением. Хочешь жить, умей вертеться. И он вертелся, особенно после внезапной смерти дяди. Уже через несколько дней ему доходчиво дали понять, что это был не несчастный случай. И лохматые лапы потянулись к лакомому куску прибыльного бизнеса. Как ни старался Николай, но он постоянно находился под дамкловым мечом, и это заставляло его работать на пределе. Он приложил максимум усилий, чтобы удержать в своих руках дело дяди, который заранее позаботился о завещании в пользу племянника. Огромный интеллектуальный потенциал, отличное образование и вечно движущиеся компоненты его внутреннего мира сделали из Николая выдающуюся персону. Он всегда был твёрд в принятии решений и спокоен в беседе с партнёрами. Умел отстаивать свои взгляды, а в случае необходимости переубеждал несокрушимыми доводами своих оппонентов. Порой он прислушивался к своей интуиции, но в итоге всегда пропускал её через фильтр логики и трезвого рассудка, что помогло его бизнесу выстоять в нелегкие 90-е годы.

Имея дорогую одежду, дом, машину, Николай осознавал свой несправедливый путь, внутренне чувствуя дискомфорт. Воспитанный в христианской семье, он понимал, что душа его зарастает сорняками, а сердце – хранилище любви, пусто. И вот однажды, отмечая очередной Новый год в кругу друзей, под бой курантов Николай загадал желание. И оно сбылось – он встретил прекрасную девушку Елену, обрёл личное счастье. Но ещё большую радость он

испытал, когда родилась дочь Нина. С одной стороны, Николай Георгиевич был необычайно нежным и любящим отцом, а с другой – строгим и требовательным. Он привык полагаться только на себя, и друзья нередко упрекали его в том, что он превращается во фрика. Но Николай продолжал всё и всех держать под своим контролем, был всегда начеку. Только так он чувствовал себя в безопасности, ощущал надёжность отношений – будь то семья или бизнес.

В ресторане было многолюдно, впрочем, как всегда. Столик на имя Николая Чепкасова был забронирован в вип-зоне, располагающейся на небольшой возвышенности, откуда можно было видеть практически весь зал и сцену, на которой уже выступали музыканты. Расположившись за столом и сделав заказ, семья душевно общалась, наслаждаясь обществом друг друга.

– Ниночка, мы с мамой решили сделать тебе подарок. – Николай Георгиевич протянул дочери бархатистую коробочку красного цвета. – Вот, носи с удовольствием и помни, мы любим и гордимся тобой.

Нина открыла подарок: внутри были серьги с бриллиантами редкой работы. Световые блики солитеров рисовали изысканную картину. Ей захотелось их примерить, и, извинившись, она выпорхнула из-за стола. Вернувшись из дамской комнаты, виновница торжества обняла мать и отца и от души поблагодарила их за прекрасный подарок.

– Ты великолепна! – сказала Елена Евгеньевна дочери.

Нина была счастлива не только от полученного подарка. Её окрыляло осознание того, что родители гордились ею и всегда во всем поддерживали. Она это знала. Она это чувствовала. С самого рождения девочка купалась в водопаде родительской любви. Так часто бывает, когда в семье растёт один ребёнок. Но, несмотря на это, она выросла ответственным, сострадающим, равнодушным к чужим нуждам человеком, во многом благодаря мудрости Елены Евгеньевны и опыту Николая Георгиевича, выросшего в многодетной семье, что помогло избежать детоцентризма.

Вечер продолжался. Спустя час в зале стало еще оживлённее. Появлялись новые люди в красивых вечерних нарядах, и они совсем не торопились уходить. Нежная музыка разливалась по всему ресторану, создавая особое настроение. Николай Георгиевич покинул своих дам по рабочему вопросу, а мать и дочь живо беседовали на разные темы, иногда прерывая разговор, чтобы отправить в рот еще один кусочек нежнейшего десерта. Неожиданно сзади себя Нина услышала знакомый голос.

– Разрешите пригласить вас на танец? – молодой человек подошел ближе и протянул руку.

Ожидая согласия, он смотрел в глаза Нине. Она даже замерла от неожиданности, но быстро пришла в себя – волна радости и ликования захлестнула сердце. Глаза сияли, и рука сама потянулась к руке Виктора. Да, да! Это был он, человек, которого она так хотела видеть. Нина мельком глянула на удивлённую мать и с удовольствием согласилась на танец.

Молодые люди танцевали легко, о чем-то разговаривая и периодически весело смеясь. Виктор нежно держал Нину за талию, и было видно, что он ведёт её уверенно и осторожно в этот волнующий мир музыки. Нежная мелодия ласкала слух, и два человека, которых по сути ничего не связывало между собой, кружились в танце как одно целое. У Нины сбивалось дыхание, когда Виктор, словно невзначай, прижимал её крепче к себе и слегка приподнимал над полом. Голова кружилась, глаза искали точку опоры, но всё, что попадалось взору, превращалось в неистовую карусель из расплывчатых силуэтов и разноцветных огней. В этот момент она испытывала невесомое чувство полёта. Полёта то ли тела, то ли души. Она была счастлива и, растворяясь в танце, старалась как можно дольше насладиться этим моментом.

– С кем танцует наша дочь? – спросил Николай Георгиевич у жены, вернувшись к столу.

– Не знаю, дорогой, но Нина была очень рада встрече с этим молодым человеком. И мне кажется, она к нему равнодушна, – с загадочной улыбкой произнесла супруга.

Глава семьи задумчиво смотрел на дочь. Как только музыка стихла, довольные, запыхавшиеся молодые люди подошли к столику родителей.

– Папа, мама, познакомьтесь, это Виктор! – Нина с такой радостью представила молодого человека, что казалось, после этой фразы последует следующая, более официальная.

Но, к большому спокойствию родителей, пока ограничились только знакомством. Виктор крепко пожал руку Николаю Георгиевичу и учтиво поцеловал руку Елене Евгеньевне, чем произвел впечатление воспитанного юноши. На приглашение остаться за столиком и продолжить знакомство ему пришлось отказаться.

– К сожалению, я не могу принять ваше предложение. Мы празднуем день рождения лучшего друга, который учится за границей, а в Россию прилетел совсем ненадолго, и мне неудобно обделять его вниманием. Но я был бы искренне рад, если бы Нина присоединилась к нам.

Нина хотела уже с радостью принять это неожиданное предложение и побыть с Виктором еще некоторое время, но Николай Георгиевич, поблагодарив молодого человека за приглашение, извинился и сказал, что им пора ехать домой. Перечить отцу Нина не посмела. Надо сказать, что отец часто пользовался покладистостью характера дочери. Ему нравилось её безропотное послушание. Только став отцом, он оценил все достоинства поведения подчиняющегося ребенка.

Пока родители разговаривали со знакомыми у гардероба, дочь ждала их в стороне. Внезапно появился Виктор и незаметно передал Нине смятую салфетку. Девушка замешкалась и поспешила убрать её в сумочку. Одарив Нину белоснежной улыбкой, Виктор вернулся в зал ресторана.

Погода была чудесная, на небе уже показались первые звезды. Возвращаться домой Нине совершенно не хотелось. Её сердце стучало в груди так сильно, что, казалось, слышала вся улица. Она старательно прятала свою улыбку, чтобы не навлечь лишних вопросов и подозрений со стороны родителей. Но, боже мой, как мы наивны в юном возрасте, когда пребываем в этом особом состоянии, которое скрыть невозможно. Его выдают глаза, улыбка, наша задумчивость. Конечно, родители всё видели и понимали, ведь они сами были молоды и испытали такие же трогательные чувства. Первая любовь – как она прекрасна, чиста, сильна! Заметил это и Николай Георгиевич. Заметил и насторожился.

Нина крепко прижимала к груди клатч, в котором лежала таинственная записка. Ей не терпелось посмотреть, что в ней написано. И как только семья перешагнула порог квартиры, она, пожелав всем доброй ночи, поспешила в свою комнату. Устроившись поудобнее на кровати, аккуратно развернула салфетку и прочла её содержание. Это было откровенное признание в любви. Оно немного смутило Нину, но поселило в сердце надежду, что это её вторая половинка, которую, как рассказывала ей бабушка, так трудно встретить и которая есть великая Божия Благодать! Нина, много читавшая о любви в книгах, искренне верила в любовь с первого взгляда. Ниже был написан номер телефона Виктора и просьба позвонить ему как можно скорее. На следующий день она так и сделала.

И потекли их счастливые дни, встречи, прогулки. Нина очень любила ходить с Виктором в кинотеатр, но никогда не помнила, о чём фильм. Её мысли были заняты им, а рука всегда послушно лежала в его руке. В такие моменты Нине казалось, что он сжимает не руку – сердце. Их первый поцелуй тоже случился в кино. Она испытала то самое чувство, которое остаётся с человеком навсегда. От прикосновения нежных и таких горячих губ Виктора у девушки закружилась голова, земля ушла из-под ног и бешено билось сердце. В этот момент она не принадлежала себе. Нина словно таяла в его объятьях, и если бы ей сейчас сказали, что она растает,

как льдинка, она бы ни на миг не отлучилась от его губ, а лишь таяла бы и таяла, как воск свечи от огня всеобъемлющей любви.

– Нина, я бы хотел тебя познакомить со своей мамой, – сказал Виктор, когда они обедали в ресторане «Романтик» на Кутузовском проспекте.

Это было одно из их любимых мест. Уютная белоснежная обстановка, вежливый персонал, изысканное меню никого не могли оставить равнодушными. А интерьер в виде балконов, украшенных живыми цветами, окунал в атмосферу времён Ромео и Джульетты. Это, безусловно, нравилось Нине. Нежно коснувшись руки Виктора, она процитировала Шекспира:

– Прикосновение божеству приятно, рукопожатие – тот же поцелуй.

Молодой человек накрыл её ладонь своею и бережно погладил.

– Я никогда не встречал девушек, подобных тебе, Нина. Ты необыкновенная!

– Я согласна!

– С чем? С тем, что ты необыкновенная?

– Нет! – засмеялась Нина. – Я согласна познакомиться с твоей мамой.

– Вот и прекрасно! Я подумаю, как лучше организовать встречу.

Виктор предположил, что она произойдет не раньше, чем его родители вернутся из отпуска, в который он вместе с ними лететь отказался. И на то была веская причина – он не хотел расставаться с Ниной.

Лето пролетало быстро, и вот на календаре уже виднелся сентябрь. В один погожий денёк, прогуливаясь по немногочисленной Фрунзенской набережной, любуясь архитектурой и видом Москва-реки, Нина сказала Виктору, что отец приглашает его завтра на семейный обед. Тот с удовольствием принял приглашение. В назначенный день Елена Евгеньевна и Нина вместе приготовили обед. Стол был сервирован праздничным сервизом белоснежного фарфора, купленного когда-то в Китае. Николай Георгиевич гордился этим сервизом и никогда не упускал возможности обратить внимание гостей на этот шедевр. «Это же потрясающе! – восторгался глава семьи и с интересом рассказывал о главных качествах сервиза. – Этот фарфор настолько тонкий, что его можно сравнить с яичной скорлупой. А еще он имеет необычное свойство – пропускает воздух, не пропускает воду. Удивительно! Не правда ли?». Николай Георгиевич являлся большим ценителем красивых вещей и старался прививать любовь к красоте своим близким.

Все ждали гостя. Глава семьи сидел в своем кабинете и не спеша листал семейный фотоальбом. Ностальгия охватила его душу, сердце сжималось от светлой грусти от того, что его дочь так быстро выросла и уже не та маленькая девочка, которая бегает по дому и звонко смеётся.

«Как же быстро летят годы», – думал Николай Георгиевич. Он сожалел, что упустил многие моменты, проводя бесконечное время на работе. Да, он оправдывал себя тем, что всё это ради семьи. Но в то же время, если бы можно было вернуться в прошлое, он бы многое сделал иначе. Сейчас он осознал как никогда – чтобы быть в памяти детей завтра, нужно быть в их жизни сегодня. Растроганный этими мыслями, отец не заметил набежавшие слезы, когда услышал приближающиеся шаги.

– Папочка, пришёл Виктор! Пойдём к столу, – заглянув в кабинет, радостно сказала Нина. Отец отложил альбом в сторону, и они вместе вышли из кабинета.

Войдя в столовую, Николай Георгиевич обратил внимание на два шикарных букета. Он отметил, что у молодого человека хорошее воспитание и щедрая душа. Но всё же не стал заранее обольщаться на его счёт. Пожав друг другу руки, мужчины сели за стол. Дамы присоединились к ним сразу, как только поставили цветы в вазы. Все ели с аппетитом и за столом велась

непринуждённая беседа. Молодой человек чувствовал себя уверенно и раскрепощённо. Если бы кто-то со стороны посмотрел, то мог бы сказать, что здесь близкие люди, одна дружная семья, которая вместе проводит время.

– У вас очень красивый дом. Всё подобрано с тонким вкусом, – Виктор сделал комплимент хозяйке.

– Благодарю. – Николай Георгиевич пристально посмотрел на молодого человека. – Это заслуга моей супруги. У неё безупречный вкус!

– Такой же тонкий, как и этот фарфор. – Виктор взял солонку и, с интересом разглядывая, крутил её в руках.

– О! Ты разбираешься в искусстве фарфора? – глава семейства был приятно удивлён.

– Немного. У меня есть друзья, ценители редкого фарфора. Они всегда с большим интересом рассказывают о пополнении своей коллекции.

– И большая у них коллекция? – присоединилась к разговору Елена Евгеньевна.

– На мой взгляд, да. Хотя они так не считают.

– А что интересное они тебе рассказали о фарфоре? – Нина постаралась поддержать разговор.

– Интересное? Мммм... Ну, например, то что в восемнадцатом веке фарфор был очень модным материалом. Из него делали даже эфесы для шпаг. Но они были настолько ненадёжны, что владельцу такой шпаги приходилось извиняться и идти за другим оружием, чтобы продолжить дуэль. С той поры подобные шпаги стали называть «экскюзками», от французского «извинять».

– Прикольненько! – отметила Нина.

– Очень любопытно! – подхватила разговор Елена Евгеньевна. – У вас замечательные друзья, Виктор.

– Вы абсолютно правы, Елена Евгеньевна. Мне очень везёт по жизни, я встречаю прекрасных людей, и со многими у меня дружеские отношения.

– Каков сам человек, такие люди к нему и тянутся, – послышался голос из прихожей.

– Мама! Как хорошо, что ты пришла! – Елена Евгеньевна с радостью подошла к пожилой женщине, крепко обняла и поцеловала её.

Нина поспешила сделать то же самое и проводила бабушку к столу. Николай Георгиевич и Виктор поприветствовали Татьяну Егоровну, которая с удовольствием присоединилась к семейной трапезе.

Все домашние знали, что Татьяна Егоровна была в храме, помогала печь и раздавать пирожки нуждающимся. Будучи жалостливым человеком, она всем и всегда старалась помочь; готова была отдать всю пенсию тому, кто в ней нуждался больше; новые вещи, что покупала ей дочь, она часто раздавала бездомным людям. Родившись в тяжёлые послевоенные годы, она прожила несладкое детство, много скиталась по приемным семьям. Потом, под свою опеку её взяла родная тётка по отцу. Еды на всех не хватало, но от голода никто не умер. Никогда ни на кого она не держала обиды, а, наоборот, была благодарна, что не осталась на улице, жила и росла в семье, имела возможность учиться в школе. И это важное, на её взгляд, качество, умение быть благодарным, она старалась вложить в свою дочь и внучку. «Не красота, а доброта спасёт мир, – часто говорила Нине Татьяна Егоровна. – И начинать творить добро нужно с себя». В свои шестьдесят восемь лет она выглядела хорошо. Неяркий оттенок кожи освежал нежный румянец. Побледневшие голубые глаза излучали душевную доброту и бесконечное сострадание к окружающим. Даже морщины вокруг глаз не смогли скрыть живость и легкое озорство её взгляда. Серые волосы всегда были аккуратно убраны. Женщиной она была, как говорят, в теле, чуть ниже среднего роста, немного прихрамывала на левую ногу после неудачного падения зимой на скользкой дороге. Часто вязала для людей теплые вещи и очень любила

слушать классическую музыку. С молоком матери она впитала веру в Бога, которая помогла выжить в тяжелые времена, морально укрепляла, не давала сломаться и впасть в отчаяние. До сих пор молилась Татьяна Егоровна много и исключительно стоя на коленях перед Святыми Образами. Нине очень нравилось слушать, как молится бабушка, она даже старалась повторять за ней слова, не все понятные по смыслу, но почему-то легко запоминающиеся и проникающие в душу. Именно благодаря бабушке Нина знала много молитв. Она же привила ей и любовь к книгам. Но последнее время Татьяна Егоровна переживала за внучку. Девочка стала реже ходить в храм, ссылаясь на занятость, а родители старались не давить на дочь. Менялось время, менялись люди, но вера в Бога должна быть неизменной – так считала Татьяна Егоровна. Но своё сугубо личное мнение она никому не навязывала. Её дело – непрестанно молиться за всех. И она молилась.

– Бабушка, познакомься, это Виктор, – представила Нина своего друга.

– Очень приятно, молодой человек, – женщина мило улыбнулась и представилась, – Татьяна Егоровна, бабушка этой прелестной девушки.

– Ну, бабушка! – Нина смущенно отвела взгляд в сторону.

Стараясь не акцентировать своё внимание на госте, Татьяна Егоровна всё же с большим любопытством поглядывала в его сторону. В промежутках между вопросами Николая Георгиевича о смысле жизни, целях и планах на будущее, Виктор искренне хвалил талант хозяек, которые приготовили потрясающий обед. Юноша с удовольствием отвечал, как он относится к спорту, как проводит выходные и даже какие у него политические взгляды. Нина сначала переживала, как бы отец не перегнул палку с расспросами, но видя, с каким желанием и искренностью Виктор рассказывает о себе, успокоилась и пошла на кухню, чтобы помочь маме приготовить посуду для чая. Бабушка, которая до этого только слушала, решила тоже присоединиться к беседе.

– Виктор, утолите моё любопытство. Чем вас привлекла наша Ниночка? Кроме внешнего очарования.

– О! Вы правы, Татьяна Егоровна. Сначала меня очаровали её глаза и улыбка. А уже потом я понял, как интересен и наполнен её внутренний мир. Нина необыкновенная девушка! Нам хорошо вместе даже молчать.

– Молчание – это прекрасно! Понимать друг друга без слов дано не каждому. Татьяна Егоровна посмотрела на зятя, и по её взгляду он понял, что тёща уже готова чуть ли не благословить детей.

– Виктор, а что ты помнишь из детства? Расскажи историю, которая тебе ярко запомнилась. – Николай Георгиевич решил копнуть глубже, чтобы получше узнать суть молодого человека.

– Из детства? – Виктор задумался. – А отрочество подойдет?

– Вполне, – махнул головой Николай Георгиевич.

– Мне запомнился один случай. Было мне 12 лет. Друг моего отца пригласил его на Камчатку поохотиться на бурого медведя. Там они гигантские. Это было начало мая. Отец взял меня с собой, хотя мама была категорически против.

Камчатка для меня оказалась другим миром. Всё меня здесь завораживало: люди, природа, звери. Помню, как дядя Гена тщательно готовил оружие. У него была винтовка Мосина с оптическим прицелом и дальнобойный карабин «Тигр». Внутренне я не хотел идти на охоту с мужиками, но очень боялся в этом признаться. На следующий день мы встали в шесть часов утра, позавтракали и выехали на охоту. Выбрали в лесу место для стрельбы и стали привлекать зверя с помощью привады. Вообще-то дядя Гена предупреждал отца, что охота может затянуться на несколько дней, но нам несказанно повезло в этот же день. Несмотря на то, что капканы были запрещены, кто-то всё же их расставил. И через четыре часа ожидания мы услы-

шали треск ломающихся кустов, а потом дикий рёв. Отец приказал мне сидеть и не высовываться, а сам с дядей Геней пошел на этот страшный вопль. Через несколько минут я услышал выстрел. Помню ощущение: как будто что-то оборвалось внутри меня. Я вскочил и побежал к отцу. Они стояли возле огромного медведя, лежащего на земле. Мне показалось, что он ещё дышит. Передняя лапа зверя была зажата в капкане, и я бросился её освобождать. Я плакал и умолял отца помочь мне. Но дядя Гена поднял меня с колен, похлопал по плечу и сказал, что теперь я настоящий мужик. У меня трофей, о котором мечтают многие. Только мне не нужен был этот трофей. Мне было жалко зверя. Я уговорил отца не забирать с собой ничего от животного и даже не стал фотографироваться рядом с добычей. Взрослые гордились своим поступком, а мне было больно и стыдно. К машине я шёл, ничего не замечая. Тогда-то я и поранил веткой глаз. Было много крови, и отец боялся, что я потеряю зрение. Но один местный старенький доктор оказал мне первую, как потом выяснилось, очень важную помощь. Позже в Москве было сделано еще несколько операций на глаз. Зрение удалось сохранить. Только шрам остался, как напоминание о том дне.

– Бедный мальчик! Что тебе пришлось пережить! – Елена Евгеньевна расставляя чашки, слышала почти весь рассказ и испытывала искреннее сочувствие к Виктору.

– Всё в жизни не случайно, – с улыбкой ответил молодой человек. – Пока я был в больнице, я общался с хорошими врачами, они мне рассказывали много интересных историй. И тогда что-то щёлкнуло во мне, я окончательно осознал, что хочу стать врачом и помогать людям. Как будто кто-то внутри меня переключил тумблер, перевёл стрелки и заставил мыслить в этом направлении.

– Господь. Всё по его воле происходит в нашей жизни, – тихо произнесла Татьяна Егоровна.

– Это вы хорошо сказали, – с улыбкой ответил Виктор. – Ещё бы знать какой из многих?

– Что вы имеете в виду, Виктор? – переспросила Татьяна Егоровна.

Войдя в комнату, Нина немного растерялась от услышанного, но, сделав вид, что ничего не произошло, стала разливать чай и раскладывать каждому на блюдце по кусочку пирога с ягодной начинкой. Видя, что молчание становится некомфортным, она стала нарочито весело обсуждать новый фильм, на который ходила недавно с подругами. Монолог продолжался недолго.

Его прервал Виктор.

– Татьяна Егоровна, я совершенно не хотел оскорбить ваши религиозные чувства. Просто я вырос в семье отца-атеиста и матери-мусульманки. Мне никогда не навязывали никакую веру. Постепенно я сам прочёл много книг разных религий и пришёл к выводу, что как ни крути, а принцип один у всех религий – живи по совести и делай добро.

Татьяна Егоровна улыбнулась.

– Добрый вы человек, Витя, – спокойно сказала бабушка, когда гость закончил говорить. – У каждого свой путь к Богу. И ты тоже непременно его обретёшь.

Ничего не найдя крамольного в словах молодого человека, Николай Георгиевич снова решил сменить тему разговора.

– Чем занимается твой отец, Виктор?

– Папа всю жизнь занимается банковским бизнесом. Он хотел, чтобы я пошёл по его стопам, но мне совсем не по душе это дело. Мне приятно иметь дело с людьми, а не с бумагами, – улыбнувшись, ответил Виктор.

– Банк – это хорошо... – глава семьи сделал паузу. – А как называется ваш банк?... – Опять пауза. – Если это не секрет?

– Никакого секрета нет. Олимп Банк.

Николай Георгиевич поперхнулся чаем и резко поставил чашку на блюдце.

– Твой отец Анатолий Анатольевич Юнковский? – стараясь сделать как можно более безразличный вид, – спросил Николай Георгиевич.

– Совершенно верно! Вы с ним знакомы? – удивился такой реакции Виктор.

– Я о нём слышан, – сухо ответил глава семьи.

Выждав еще пару минут для приличия, Николай Георгиевич поблагодарил всех за обед и, сославшись на то, что ему надо сделать пару важных звонков, ушёл. Проходя мимо гостя, он пожал ему руку и сказал, что весьма доволен тем, что среди молодёжи есть такие серьёзные и целеустремлённые люди.

Сам же Виктор не понял, что произошло, но интуитивно почувствовал тревогу. Он решил тоже не засиживаться. Попрощался с Еленой Евгеньевной и Татьяной Егоровной, а Нину попросил проводить его до двери. Поцеловав её, он пристально посмотрел в глаза. От этого взгляда у девушки по всему телу побежали мурашки, волна тревожности передалась телепатически и ударила в голову.

– Ты меня любишь? – тихо спросил Виктор.

– Несомненно! – не раздумывая ответила Нина.

Он прижал её к себе и вновь нежно поцеловал в губы.

– Это всё, что мне нужно знать, Ниночка. Остальное не важно. Слышишь, не важно!

Наступившая ночь оказалась мучительно долгой и бессонной – как для Нины, так и для Виктора. Какая-то странная тревожность поселились в их душах, но надежда на то, что всё будет хорошо, согревала сердца.

Через несколько дней Татьяна Егоровна попросила внучку заглянуть к ней в гости на чай вместе с молодым человеком. Нина была очень рада. Она и сама хотела поговорить с бабушкой. Однако, что-то подсказывало, что ей предстоит разговор и с отцом, уж больно строго он стал смотреть на неё каждый раз, когда слышал, что дочь идёт на встречу с Виктором. Интуиция редко её подводила.

Ровно в двенадцать дня, как и договаривались, Нина с молодым человеком стояла у порога с пирожными в руках и звонили в квартиру бабушке. Но даже после третьего раза им никто не открыл. Нина достала ключи от квартиры, которые всегда были при ней, и они вошли внутрь. Виктор оценил уютную чистую квартиру, обставленную красивой мебелью.

– Это всё мама здесь хозяйничала, – сказала Нина. – Бабушка была против, считая, что ей достаточно иметь кровать, стол со стулом и обязательно шкаф с книгами. Но мама решила, что бабушка скромно пожила в детстве и сейчас достойно должна коротать свою старость в уюте, ни в чём не нуждаясь и занимаясь любимыми делами.

– А почему бабушка не живёт с вами? – поинтересовался молодой человек.

– Родители много раз предлагали ей жить вместе, но бабушка отказывается. Говорит, что ей комфортнее здесь. Да и храм рядом, удобно.

Виктор подошёл к шкафу с книгами, в котором увидел много разных изданий. Здесь были как российские классики – многотомные собрания сочинений Чехова и Льва Толстого, Достоевского, Куприна и Островского, так и зарубежные писатели – Виктор Гюго, Маргарет Митчелл, Уильям Шекспир, Ремарк. Чуть выше была полка с духовной литературой. Надо сказать, что библиотека Татьяны Егоровны была отражением её души. Да, она была невелика, но каждая книга в этом шкафу была ей дорога. Книги дарили ей не только знания, но и счастье. На глаза Виктору попался альбом, и он попросил разрешения его посмотреть. Молодые люди присели на диван, и Нина с удовольствием рассказывала о событиях и тех людях, что были на фотографиях. Виктор больше смотрел на Нину и получал удовольствие от созерцания её красоты. Струящиеся локоны небрежно ниспадали на плечи девушки. Виктору нестерпимо захотелось коснуться её плеч, вдохнуть запах волос и расцеловать соблазнительную шею.

– Пойду, поставлю чайник, бабушка должна вот-вот прийти, – чмокнув Виктора в щеку, сказала Нина.

– Подожди, – Виктор задержал её руку и притянул к себе, – не уходи, пожалуйста.

Его пристальный взгляд заставил девушку смутиться. Приблизившись, он нежно поцеловал её в губы. Но этот поцелуй был не таким, как обычно, а более чувственным и горячим. «Ожог» на губах насторожил Нину, и она отпрянула немного назад. Виктор смотрел на неё и понимал, что ему трудно сдерживать свой порыв и желание, которые, как мощное цунами, накрыли его разум и на время отключили способность думать. В нём проснулись два волка, один из которых жаждал «добычи», оправдываясь тем, что два человека любят друг друга. А другой волк внимал голосу совести, понимая, что необходимо остудить свой пыл и не становиться рабом своих желаний. Однако, в этот момент разумом молодого человека, как поводами, руководили чувства, не знающие узды. Нина стояла неподвижно и с тревогой в глазах, которую невозможно было не заметить, смотрела на Виктора. Воспитанная на рассказах о чистоте и непорочности до брака, она стояла на распутье и задыхалась от захлестнувших её чувств. Она готова была поддаться искушению и утонуть в объятьях любимого человека, но страх перед неизведанным делал её скованной. Их сердца бились так громко, что они не сразу услышали, как настойчиво звонит телефон в сумочке у Нины.

Глубоко выдохнув, она взяла телефон.

– Алло. Да, бабушка, мы уже зашли. Чай готов, ждём тебя.

– Хорошо, дорогая. Я буду минут через десять.

Нина застенчиво улыбнулась и отвела взгляд в сторону. Подойдя к дивану, она присела, взяла в руки фотоальбом и бездумно стала листать его страницы.

– Не надо стесняться, любимая, – Виктор присел на корточки возле неё и нежно обнял за колени. – Я сделаю всё, что от меня зависит, чтобы ты была счастлива. Ты – моя вторая половина. Я это знаю, я это чувствую.

– Я тоже это чувствую, – тихо прошептала Нина и нежно провела рукой по волосам дорогого ей человека.

– А выходи за меня замуж! – неожиданно сказал Виктор.

Нина серьёзно посмотрела на него. Потом её губы растянулись в счастливую улыбку, и она ответила:

– А вот и выйду!

Влюблённые крепко обнялись. В эту минуту они были самыми счастливыми на свете.

Татьяна Егоровна пришла домой и принесла горячие пирожки с разными начинками.

– Скажи-ка мне, Виктор, – начала свой разговор хозяйка застолья. – А твоя бабушка по материнской линии случайно не Галия Адамовна?

– Да. Она самая.

– Я так и думала! – радостно воскликнула Татьяна Егоровна. – Мы же с ней были ещё те закадычные подруги. Давненько я её не видела. Как бы мне с ней увидеться, милый?

Виктор был откровенно удивлён.

– Давайте я оставлю вам её номер телефона, а вы уж сами созвонитесь и договоритесь о встрече. Если будет надо, можете на меня рассчитывать, как на личного водителя.

Юноша склонил голову в уважительном поклоне.

– Благодарю, Виктор. Это очень любезно с твоей стороны.

– Бабушка, а ты не знаешь, почему папа так отреагировал, когда узнал об отце Виктора? Может, вопрос был и не по теме, но Нина очень хотела его прояснить.

Тем более, что мама тоже не знала, в чём кроется причина такой реакции. Нину это заботило, а спросить прямо у отца она не решалась.

– Понятия не имею, дорогая. Возможно, им приходилось когда-то пересекаться по вопросам бизнеса. А почему тебя это так волнует?

– Ох, бабушка, чувствую я, что папа против наших с Виктором отношений. А в чём дело, ума не приложу. Переживаю очень.

– Может, показалось тебе, милая?

– Нет, нет. Я хорошо знаю отца. Я уверена, он вынашивает разговор ко мне. И я не знаю, как выбрать подходящий момент, чтобы сказать ему...

– Сказать что? – Татьяна Егоровна вопросительно посмотрела на внучку.

– Что мы хотим пожениться, – ответил за Нину Виктор.

– Милые мои, как я за вас рада! Глядишь, и правнука понянчить сподоблюсь.

– Бабушка, да рано ещё о детях говорить. Сначала институт закончить надо.

– Правильно, правильно, Ниночка. Это ты верно рассуждаешь. Но и затягивать с детишками не стоит. Мне-то не мафусаилов век жить, а так хочется понянчить правнука. А с отцом-то поговорить надо, раз такое событие намечается. Виктору в этом вопросе инициативу необходимо взять в свои руки. Раз вы всё для себя решили, не ждите до греческих календ, – женщина посмотрела на молодого человека сияющими от радости глазами.

– Несомненно. Я вот только дождусь, когда мои родители вернутся из отпуска, и мы с Ниной объявим о нашей помолвке.

– Жду с нетерпением этого дня! – Нина мечтательно посмотрела на любимого человека и подлила в чашку ароматного чая.

Несколько часов пролетели незаметно, и молодые люди, поблагодарив за всё бабушку, ушли. Прогуливаясь по уютным улицам, они увидели храм, в который часто ходит Татьяна Егоровна, и Нина предложила зайти поставить свечи.

– Давно я уже не была в церкви, – тихо прошептала она, чтобы не потревожить молящихся людей.

– Я тоже, – ответил Виктор.

– Давай поставим свечи за здоровье наших родных и близких людей.

– Согласен.

День уже клонился к завершению, когда они покинули кинотеатр, обмениваясь своими впечатлениями от фильма. И, как бы ни хотелось влюблённым не расставаться, нужно было возвращаться домой. Остановившись у подъезда, Виктор помог Нине выйти из машины, крепко обнял и прошептал на ушко:

– До встречи, любимая. Я буду скучать.

– Я тоже.

Девушка скрылась в ярком свете ламп, освещающих подъезд.

Немного отъехав, Виктор свернул на обочину и заглушил двигатель. Какое-то время, сидя без движения, он почувствовал, как кровь прильнула к его лицу. Он не мог понять, что с ним происходит. Спокойным взглядом обнял практически безлюдную улицу, а дальше – бескрайний простор. Впереди показался красный автомобиль и ослепил Виктора кровавым пятном. Он словно вышел из забытья. Безумно захотелось уехать. Какая-то тревога больно сжала его сердце.

Через несколько дней Татьяна Егоровна и Галия Адамовна встретились в кафе. Долго вспоминали молодость, рассказывали о том, что у каждой произошло за это время. Спустя пару часов душевной беседы Татьяна Егоровна, сделав глоток ароматного чая, посмотрела на подругу и с улыбкой сказала:

– Галия, мне не терпится открыть тебе одну маленькую тайну.

– Какую же?

– Скоро мы с тобой породнимся.

– Да неужто? – удивилась подруга.

– Да, дорогая. Наши внуки решили соединить свои судьбы, – с искренней радостью сказала Татьяна Егоровна.

– Как прекрасно, Танечка! Но должна тебе сказать, что это уже секрет полишинеля. – Галия Адамовна улыбнулась и погладила свою подругу по запястью руки. – Виктор поделился со мной своими намерениями относительно любимой девушки. У нас с внуком тоже случился разговор. Единственное только я не знала, что ваша Ниночка – это и есть его избранница. Я очень рада, что намечается помолвка. Это прекрасно!

Галия Адамовна с неподдельной нежностью посмотрела на пару молодых людей, сидящих за соседним столиком, которые глядели друг на друга влюбленными глазами и не замечали ничего вокруг. Она искренне радовалась за своего горячо любимого внука.

В этот момент раздался телефонный звонок.

– Да, Ниночка, я тебя слушаю, – ответила Татьяна Егоровна. – Да. Да. Не переживай, милая, я скоро приеду, и мы с тобой обо всём подумаем.

– Что-то случилось? – поинтересовалась Галия Адамовна.

– Ничего страшного. Просто девочке нужен мой совет. Ах, Галия, я так рада, что у нас с Ниночкой прекрасные отношения.

– А с матерью что же?

– С Леночкой у неё тоже доверительные отношения. Слава богу! Просто сейчас Нине необходимо обсудить деликатный вопрос, о котором другие члены семьи знать пока не должны.

Татьяна Егоровна окликнула официантку и попросила счёт. Расплатившись за себя и подругу (на чём она деликатно настояла), подошла к своей собеседнице и крепко её обняла.

– Мне пора бежать, дорогая моя подруженька. Мне ещё к одной знакомой зайти нужно проведать. Она в больнице лежит. Я ей обещала.

– Конечно, Танечка, беги.

– Теперь мы с тобой всегда будем на связи. Адрес мой нынче ты знаешь, так что всегда в любое время суток я тебе рада.

– Спасибо, дорогая. Теперь мы непременно будем встречаться чаще.

Галия Адамовна ушла из кафе не сразу. Она ещё некоторое время сидела за столиком и смотрела в окно. За ним текла жизнь. Люди – как разноликая река с множеством судеб, пробежали за окном в потоке времени. Внезапная грусть коснулась её груди и монотонно защемила. Ей стало невыносимо больно осознавать, что течение времени уносит всё, чем она обладала: молодость, непосредственность, возможность совершать ошибки. Она всегда старалась жить настоящим и не торопить будущее. Хотя своим наступившим будущим Галия была вполне довольна. Но сейчас её душа призывала прошлое, словно оно ушло слишком рано. Словно она не успела сделать что-то важное. «Как грустно, – думала женщина, – только на закате прожитой жизни мы понимаем, с чего бы нам следовало её начать».

Звон случайно разбившегося бокала за соседним столом отвлек её от мыслей. Она оглянулась. За столиком уже никого не было, а официантка ловко собирала веником осколки в совок.

– Всё хорошо, Светочка? – обратилась женщина к официантке.

– Да, не беспокойтесь. Понять не могу, как стакан мог упасть. За столиком ведь никого не было. Может, кто-то прошёл и задел случайно? Вы никого не видели?

– Нет, Светочка, не видела.

– Ну, и ладно. Вам ещё чего-нибудь принести?

– Нет, нет благодарю. Мне уже пора идти. Засиделась я тут у вас.

– Всего доброго! Рады будем вас видеть снова!

– Спасибо, милая. До свидания!

Всю дорогу домой Галия Адамовна думала о стакане, который разбился странным образом. «Нет, это не случайность! – сделала она вывод для себя. – Это звоночек. Так меня отвлекли от мыслей. Ох, глупая моя голова! О, Милосердный, я всё поняла! Я всё поняла!»

Нина в малейших подробностях изложила бабушке план действий, которого они решили придерживаться.

– И в назначенный день Виктор пригласит в ресторан своих родителей, а я своих. Вот там-то они и познакомятся. Узнают истинный повод, для чего мы все собрались. Что скажешь, бабушка? Здорово мы всё придумали?

– Здорово, конечно. Но твой отец не любит, когда его застают врасплох. Как бы не сорвался ваш вечер, милая. А маме ты рассказала о вашей задумке?

– Нет, что ты! Это сюрприз для всех наших родителей.

– Главное, чтобы он для всех был приятным, – вздохнув, сказала Татьяна Егоровна. – А платье для такого случая ты себе уже выбрала?

– Да, купила и оставила его пока у Риты.

– А Рита в курсе всего? Она вообще знает о Викторе?

– Ну, конечно, бабуля! Я их уже давно познакомила. И Рита сказала, что мне очень повезло с будущим мужем.

– Она права. Только ты меньше радуйся при подруге.

– Почему?

– Потому что счастье любит тишину, Ниночка.

– Ох, бабуля, и всё-то ты у меня знаешь! Как же я тебя люблю! – Нина крепко обняла бабушку и расцеловала её в обе щеки.

– Ну, хватит! Хватит, милая! Я тоже тебя очень люблю, моя девочка.

– Бабушка, а можно задать тебе один странный вопрос? – видно было, что Нина засмушалась.

– В чём же его странность?

– Он, ну как бы тебе сказать, личный. Интимный даже.

– Спрашивай, дорогая, – спокойно сказала бабушка.

– Вот как ты считаешь, когда очень, очень любишь человека, можно ли с ним...ну...

– Вступить в близкую связь? – продолжила фразу Татьяна Егоровна.

– Да, – тихо ответила Нина.

– А что этим людям мешает сделать это после вступления в брак? Ведь если любят, то обязательно поженятся.

– Просто понимаешь, бабушка, иногда случается так, что свадьба срывается, что-то не получается. Этих людей может что-то разлучить, и они потом всю жизнь будут жалеть, что свой первый, очень важный момент они не пережили вместе.

– С чего у тебя такие мысли, девочка моя?

– Фильмы, книги. Я столько раз об этом читала, – грустно ответила внучка.

– Ох, уж эти фильмы, – улыбнулась Татьяна Егоровна, – не думай об этом, милая. Всё у тебя будет хорошо. И этот важный момент, о котором ты говоришь, ты обязательно поделишь с любимым человеком.

– Спасибо, бабушка. – Нина ещё раз крепко её обняла, и они вместе спустились в гостиную.

Елена Евгеньевна уже накрывала стол к ужину. Нина стала помогать матери, а Татьяна Егоровна присела в кресло возле торшера, надела очки и стала довязывать начатый свитер.

Через неделю семья Чепкасовых пришла в ресторан на семейный ужин. Официанты ещё не успели принести заказанные салаты и закуски, как к их столику подошёл Виктор и, поздравившись, представил своих родителей.

– Добрый вечер, Николай Георгиевич, Елена Евгеньевна, Нина, позвольте представить вам моих родителей: Анатолий Анатольевич и Алия Артуровна! – довольный собой, отрапортовал молодой человек.

Родители посмотрели друг на друга с нескрываемым удивлением, а некоторые – с тревогой. У Николая Георгиевича в изумлении округлились глаза и стали шире фуражки североко-рейских генералов. Он не мог выдавить из себя ни слова. Те же чувства испытывала и чета Юнковских. Они стояли, как вкопанные, не шевелясь и не произнося ни слова. Елена Евге-ньевна, не понимая причины такого ступора супруга, встала из-за стола и приветливо пожала каждому руку, в знак приятного знакомства. На автомате Николай Георгиевич сделал то же самое. Все пересели за более просторный стол и сделали дополнительные заказы.

– Принесите, пожалуйста, шампанского! – попросил Виктор официанта. – У нас есть повод выпить! – добавил он, повернувшись ко всем сидящим за столом, и нежно взял Нину за руку.

Николай Георгиевич закипал изнутри от негодования, словно вулкан, готовый вырваться наружу. Ощущая недоброжелательность с его стороны, Алия чувствовала себя не в своей тарелке. Анатолий тоже ёрзал на стуле, смотрел по сторонам и старался не пересекаться взглядом с родителями Нины.

Бокалы были наполнены, и Виктор взял слово:

– Дорогие родители, с тех пор, как я повстречал эту прекрасную девушку, моя жизнь преобразилась и стала полна ярких красок, приобрела иной смысл. Как говорил Виктор Гюго, «самое большое счастье в жизни – это уверенность, что тебя любят». И я с полной уверенно-стью могу сказать, что я – счастливый человек! Иди ко мне, Нина. – Виктор протянул руку девушке. – Мы любим друг друга и хотим быть навсегда вместе. Исходя из этого, было принято решение пожениться. И сегодня вы присутствуете на нашей помолвке. Мы предлагаем выпить за нас – за ваших счастливых детей. За любовь!

Виктор достал из бархатной коробочки красивое кольцо и осторожно надел на палец любимой. Затем они скромно поцеловались, пригубили шампанское и сели на свои места. Юнковские натянуто улыбались и, сделав пару глотков игристого, поставили бокалы на стол. Все сидели молча.

Скулы Николая Георгиевича сжимались так, что через кожу щёк было видно, как они шевелятся. Елена Евгеньевна старалась больше разговаривать с Алией, ничего не понимая и стесняясь поведения своего супруга.

Если бы она знала, какое веретено сплела жизнь. Какие мыслимые и немыслимые петли затянула судьба на этом ковре бытия, на котором находились сейчас все действующие лица. Даже ради приличия Николай Георгиевич не смог более присутствовать на праздничном ужине. Воздержавшись от комментариев и поздравлений, он попрощался и направился в свой кабинет, который находился в этом же ресторане.

– Николай, куда же ты? – крикнула ему вслед супруга.

– Мне необходимо оправиться от сюрприза дочери, – сухо ответил он.

Нина от слов отца сконфузилась. Анатолий Анатольевич и Алия Артуровна, чувствуя неловкость ситуации, тактично извинились и тоже собрались уходить.

– Нина, Елена Евгеньевна, было приятно с вами познакомиться, но думаю, сейчас нет смысла в продолжении вечера, – спокойно сказал Анатолий Анатольевич.

– Да, ты прав, Анатолий, – поддержала его жена. – Виктор, Нина, давайте перенесём вашу помолвку на другой раз. А перед этим нам нужно серьезно с тобой поговорить, сынок.

– Но, мама! Папа! Мы не изменим своего решения! Да что случилось-то? – негодовал юноша.

Но родители удалились без лишних объяснений.

Виктор и Нина чувствовали себя маленькими разбитыми лодками, попавшими в шторм житейского моря. И эта буря явно намеревалась разбить их надежды в щепки.

– Ну, что ж, – подняла бокал Елена Евгеньевна, – я понятия не имею, что произошло, но лично я за вас рада, дети. Счастья вам!

Вернувшись домой, Нина сразу поднялась в свою комнату. Мать последовала за ней.

– Что с папой? – спросила Нина, еле сдерживая слёзы.

– Доченька, ты же знаешь, папа не любит сюрпризов. Тебе надо было заранее нас подготовить. Почему ты не рассказала обо всём хотя бы мне?

– Мы действительно хотели, чтобы это был сюрприз. Я и Виктор переживали, что если вы узнаете обо всём заранее, то наша помолвка может не состояться. Ты же знаешь, мама, что папа недолюбливает Виктора.

– С чего ты это взяла, милая?

– Он каждый раз нехотя разрешает мне с ним встречаться. Он постоянно меня контролирует, расспрашивает. И всегда, когда я ему начинаю говорить о том, какой Виктор хороший и как он мне нравится, папа деликатно меняет тему.

– Родная моя, девочка, – Елена Евгеньевна прижала дочь к себе и стала нежно гладить по голове, – это ничего не значит. Просто папа очень серьёзный человек, понимаешь. Он безумно тебя любит и переживает. У него большие запросы к твоему будущему мужу. Он никому не позволит тебя обидеть. Поэтому, пока он не убедится, что Виктор достоин тебя, не станет демонстрировать свою расположенность к нему. И это совершенно не означает, что папа плохо к нему относится.

– Мама, я очень его люблю, – тихо прошептала Нина.

– Вот завтра ему об этом и скажешь. Я уверена, утром отец будет в хорошем настроении.

Нина отпрянула от материнской груди и посмотрела в глаза женщины, которую она очень любила и которой безгранично доверяла.

– Я сейчас говорю о Викторе. Я очень его люблю, мама. Помоги мне, пожалуйста, донести это до папы.

– Я постараюсь, милая. Я постараюсь.

Мать и дочь крепко обнялись. Так они сидели некоторое время, пока не обратили внимания на часы. Стрелка перевалила за полночь.

– Пора отдохнуть, – шепотом сказала Елена Евгеньевна.

– Как сказала бы бабушка, «утро вечера мудренее», – с грустной улыбкой ответила Нина.

Пожелав своей дочери спокойной ночи и перекрестив её на сон грядущий, Елена Евгеньевна вышла из комнаты.

Как ни странно, но Нине удалось быстро заснуть. Организм включил защитную реакцию и подкинул в разгорающийся в душе костёр поленьев, чтобы уверенность в завтрашнем дне теплилась и согревала свою хозяйку. Надежда осушила озеро печали, которое разлилось на сердце девушки после неудачной импровизации помолвки. Её сон зижделся на спокойствии и наполнял каждую клеточку организма силой – силой, которая понадобится Нине, чтобы отстаивать своё право быть счастливой.

Утром за завтраком все члены семьи были общительны и любезны. Николай Георгиевич поинтересовался у каждого, как прошла ночь, ибо свою он провёл в кабинете в глубоком раздумье над сложившейся ситуацией. Но он совершенно не выглядел разбитым, а наоборот, в нём чувствовался боевой настрой.

– У меня сегодня много дел, – мягким тоном сказал глава семьи и пристально посмотрел на дочь. – Но для меня не может быть ничего важнее тебя, Нина, и твоего будущего.

– Я знаю, папа. И я бы хотела...

– Не перебивай меня! Сейчас буду говорить я, а ты, пожалуйста, внимательно меня послушай и постарайся сделать правильные выводы.

Отец встал, подошел к окну и отдернул штору, которая мешала солнечным лучам проникать в комнату.

– Так лучше, – констатировал он, вернувшись к столу.

– Милый, позволь, сначала я введу тебя в курс дела, – сказала Елена Евгеньевна, окончательно поняв, о чём сейчас пойдет речь.

– Непременно, Леночка, мы тебя выслушаем, но немного позже. Сейчас говорить буду я.

Мать и дочь переглянулись, но перечить отцу не стали. Нина, волнуясь, теребила салфетку в руках.

– Начну сразу с главного, – продолжая стоять возле стола, сказал Николай Георгиевич. – То, что произошло вчера, считаю недоразумением, а вашу помолвку недействительной.

– Но, папа!

– Более того, – не обращая внимания на возглас дочери, продолжил отец, – я готов простить тебе этот поступок, если ты мне пообещаешь, что с этого дня ты прекращаешь любое общение с Виктором. И впредь в этом доме не должно звучать даже имени этого молодого человека. Я несу ответственность за тебя, дочь, и имею полное право требовать исполнения моей просьбы.

– Это не просьба, папа! Это прямо приказ!

– Нет, Нина, это просьба. Не преувеличивай. И я настоятельно рекомендую тебе прислушаться к ней.

– Иначе что, папа? – негодовала Нина.

– Нина, подожди, – вмешалась Елена Евгеньевна. – Николай, давай разберемся, что случилось? Что заставило тебя принять такое решение?

– Нет, дорогие мои, разбираться мы ни в чём не будем. Вы просто сделаете так, как я говорю, – уверенным тоном ответил глава семьи.

– Папа, что плохого сделал тебе Виктор? – Нина вскочила со стула и подошла ближе к отцу. – За что ты так его невзлюбил? Ты же сам говорил, что он хороший человек! Я не понимаю, почему ты так нелюбезно повёл себя с его родителями?

Николай Георгиевич старался сдерживать себя, и как можно более мягко ответил:

– Может быть, он и хороший человек, я этого не отрицаю. Но юноша, достойный моей дочери, не стал бы за моей спиной устраивать этот маскарад. Он мог бы прийти ко мне лично и открыто, глядя мне в глаза, поведать о своих намерениях. Однако же он выбрал иной путь. Почему?

– Это не он выбрал! Мы вместе решили! Это был наш сюрприз, – защищалась и оправдывалась Нина.

– Ты же знаешь, дочь, мне не по душе сюрпризы. Мне их сполна преподнесли по жизни. Поэтому я был очень огорчён, что моя родная дочь поставила меня перед фактом.

– Хорошо, папочка, извини. Больше такого не повторится, обещаю. – Нина ласково посмотрела на отца и продолжила: – Когда Виктор с родителями могут прийти к нам в гости?

– Нина! Ты меня слышишь? – с негодованием вспыхнул Николай Георгиевич. – Я не хочу видеть этих людей ни у себя дома, ни в своей жизни! Я запрещаю тебе видеться с этим... с этим... ммм... – раздражённый отец старался подобрать слова помягче, – чёрт бы его побрал! Никаких встреч с этим иноверцем и точка!

– С кем? – переспросила Нина. – С иноверцем?

– Николай, что ты такое говоришь? – старалась поддержать свою дочь Елена Евгеньевна. – Ты не в себе!

– Папа, при чём тут вера, когда речь идёт о любви!

– О какой любви ты говоришь, дочь? Это наваждение, да и только! – прокричал Николай Георгиевич надтреснувшим от негодования голосом. – Тебе необходимо учиться, искать свой путь. Я не могу допустить...

– Чего, папа? – уже со слезами на глазах спросила Нина.

В это время в комнату вошла Татьяна Егоровна и стала невольным свидетелем напряженного разговора. Она тихо присела на стул. Елена Евгеньевна посмотрела на мать взглядом, полным негодования от происходящего. Женщина понимающе покачала головой. Обе общались глазами, и в этой зрительной связи дочь находила поддержку.

– Не важно, – перешёл на спокойный тон Николай Георгиевич, – просто поверь, Нина, что ты слишком рано забиваешь себе голову любовью.

– Мама! Бабушка! Ну, скажите же ему, что любовь – это самое прекрасное, что может быть в жизни! Ради чего тогда жить, если не ради неё? – Нина смотрела на мать, как на соломинку, которая непременно должна её спасти. Губы дрожали, и глаза были уже не в силах сдерживать поток слёз. – В конце концов, ты же сам любил, ты понимаешь, о чём я говорю! Это как болезнь, понимаешь, папа, и если на то пошло, то я готова умереть от этой болезни!

– Ну, что ты! Что ты! – Татьяна Егоровна подошла к внучке и крепко её обняла. – Ну, кто же умирает от любви? Нужно не умирать, а бороться за неё. Успокойся, девочка моя. Тише, тише. Вытри слёзы. Вот так.

Будучи защитницей любви, бабушка всем сердцем сочувствовала внучке и старалась её поддержать. Елена Евгеньевна вступила в разговор с супругом. Они спорили и старались убедить друг друга в своей правоте. Мать горой встала на защиту дочери, но глава семьи был непоколебим. Нина смотрела на отца, но совершенно не слышала ни его уговоров, ни объяснений, ни угроз. Она ловила себя на мысли, что больше не испытывает боязни послушаться его. Необъяснимые чувства придавали ей смелости выдержать суровый взгляд отца. Глубоко в душе она была уверена, что Виктор защитит её от всех бед и от отца, который категорически (не объясняя причины!) не хочет счастья для дочери. Поняв, что продолжать разговор бесполезно, она встала и не спеша направилась в свою комнату.

– Бабушка, а помнишь, ты мне говорила, что настоящая любовь рождается постепенно, но корни её глубоки? – чуть слышно произнесла Нина. – Но ты мне не сказала, как выкорчевать из сердца эти корни... Да и почему? Почему я должна это делать?! – закричав в голос и одарив отца суровым взглядом, Нина убежала в свою комнату.

– И чего ты добился? – Елена Евгеньевна бросила укорительный взгляд на супруга и последовала за дочерью.

– Ничего, переживёт. Это не самая большая печаль в жизни, – ответил вслед жене Николай Георгиевич.

Он налил себе остывший кофе и одним глотком опустошил чашку. Потом задумчиво посмотрел на Татьяну Егоровну и сказал вслух:

– Пора мне. Дел много.

– Задержись на минутку, Николай.

– Татьяна Егоровна, давайте не будем сейчас переливать из пустого в порожнее. Я принял решение, и дочь должна с ним смириться.

– Какое нехорошее слово «должна», – мягко говорила женщина, стараясь не раздражать зятя. – А я считаю, что Ниночка уже давно никому ничего не должна. Она может прислушаться, а может не прислушаться. Наша девочка уже достаточно взрослая и сама вправе принимать решения, особенно в вопросах сердечных.

– И вы туда же. Прошу вас, не надо раздувать из мухи слона.

– Зря ты думаешь, Николай, что это всё несерьёзно. Нина влюблена. И твоё поведение очень ранит её. Ты заставляешь дочь выбирать между двумя мужчинами, которых она любит: тобой и Виктором.

– Выбор однозначен!

– Возможно. Но сила первой любви настолько глубока, что делает человека иным, и он может совершить поступки, о которых мы даже не можем предположить.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего конкретного. Просто хочу тебя попросить не давить так на дочь. Не отталкивай её от себя. Поговори с ней спокойно и объясни, почему ты против её отношений с Виктором. Ведь причина в другом, нежели в том, что ты озвучил. Я права? – Татьяна Егоровна пристально посмотрела на собеседника.

Николай Георгиевич внутренне съёжился от пронзительного взгляда, но внешне ни один мускул не дёрнулся на его лице.

– Я подумаю над вашими словами, – сухо ответил он. – А сейчас мне действительно пора идти. Хорошего вам дня, Татьяна Егоровна.

– Подумай, дорогой, подумай. Ведь рубя любовь на корню, ты рискуешь сжечь под ногами дочери мост длиною в жизнь, по которому она могла бы идти уверенно, опираясь на плечо любящего мужчины и заверившись поддержкой любящего отца. Хорошего дня, Николай

Нина металась по комнате, как тигрица в клетке. Она обдумывала свои дальнейшие действия. Елена Евгеньевна, как могла, старалась поддержать дочь, но та словно не замечала никого вокруг. Её накрыло сюрреалистическое ощущение всего происходящего и, словно достигнув глубин своего подсознания и найдя там ответ, она резко остановилась. Задержав ненадолго свой взгляд на матери, она резко отвернулась и заплакала:

– За что?! За что он так со мной? Я всю жизнь поступаю, как он хотел: училась в школе, которая нравилась отцу, ходила на кружки, которые советовал он! Музыка, фильмы, поездки – всё выбирал за меня отец. Слава богу, в институт я поступила, в который хотела, а не в тот, на котором настаивал отец. Но, видимо, ему этого мало! Мало! Он решил ещё и распорядиться моей личной жизнью. Почему? Я что, его собственность, мама?

– Ниночка, доченька моя, пожалуйста, успокойся. Я обязательно поговорю с папой. Но мне кажется, ты к нему несправедлива, милая. Согласна, сейчас он перегибает палку, но всю жизнь он старался дать тебе лучшее...

– А вы меня спросили, что для меня лучше? – не дала договорить матери Нина. – Неужели я не имею права не любить то, что любит отец? Не хотеть того, чего хочет он? Мама, я имею право не быть такой, какой хочется вам! Я имею право быть собой! Я живой человек, слышите! Я имею право иметь свои желания. И моё единственное желание сейчас – быть с Виктором!

– Хорошо. Хорошо, милая. Только успокойся, Ниночка. Тише. – Елена Евгеньевна кружилась вокруг дочери и старалась её обнять. Но Нина была раздражена и не позволяла к себе прикасаться.

– Рубикон перейден, мама, – спокойно, даже равнодушно сказала Нина, – я приняла решение. Я ухожу.

– О, Господи, Нина! Что я скажу отцу? Пожалуйста, доченька, не принимай поспешных решений.

– Уйди.

– Что?

– Уйди, мама, я хочу побыть одна.

– Но, милая, тебе сейчас лучше... – Елена Евгеньевна осеклась и замолчала.

– Сейчас мне будет лучше одной. Иди, мама.

Женщина неохотно сделала пару шагов к двери и остановилась. Ручейки слёз текли по её щекам. Материнское сердце сжималось от боли и опасений. И, словно почувствовав это, Нина подошла к матери и обняла её.

- Не волнуйся, мама, я не сделаю ничего, что может причинить тебе боль.
- Спасибо, – прошептала Елена Евгеньевна и вышла из комнаты.

После полудня Нина вышла из дома тихо, не привлекая к себе внимания, заранее договорившись с Виктором о месте встречи. Всю дорогу обдумывала, с чего начать разговор. Как объяснить поведение отца и рассказать, что он запретил им встречаться. Она тщательно вынашивала свою речь, словно готовила стерлядь «а-ля рус».

– Привет, Ниночка! – Виктор крепко обнял девушку при встрече. – Как же я соскучился по тебе. Что-то случилось? У тебя был взволнованный голос по телефону.

- Привет. Да, нам нужно с тобой серьёзно поговорить.
- Всё настолько серьёзно? – улыбнувшись, спросил Виктор.

– Очень.

– Хорошо, давай поговорим. Может, по чашечке кофе и что-нибудь сладенькое?

– Не откажусь, – грустно ответила Нина.

– Нууу, так дело не пойдёт. Надо срочно поднимать тебе настроение! Побежали!

Виктор крепко сжал руку Нины, и они бегом направились в ближайшее кафе, где пахло свежей выпечкой и ароматным кофе.

Присев за уютный столик возле окна, они заказали по чашке капучино и хрустящие свежие круассаны.

– Виктор, мне надо сказать... – неуверенно начала Нина.

– Подожди, – перебил он свою собеседницу, – сначала сделай несколько глотков кофе, отдышись, а потом поговорим.

Он улыбался и постоянно шутил, рассказывая смешные истории, стараясь хоть немного поднять настроение любимой девушке. Нина, доедая круассан, улыбалась сквозь грусть. Наконец-то, глубоко вздохнув, она начала разговор. На этот раз Виктор её внимательно слушал.

– Мда, – заключил он. – Неприятная сложилась ситуация. Кто бы мог подумать, что Николай Георгиевич так отреагирует на наш сюрприз. Мне кажется, я должен прийти и поговорить с ним лично, всё объяснить. Сегодня вечером будет удобно?

– Удобно отцу не будет никогда. Нужно просто прийти и всё. Только стоит ли это делать? Ведь я уже приняла решение. – Нина опустила глаза, и на щеках появился лёгкий багрянец.

– Какое решение? – настороженно переспросил Виктор.

– Я решила уйти из дома. Я хочу нарушить рамки границ, которые меня тяготят. Я устала, понимаешь, устала от отцовского контроля. Я многое осознала за эту ночь. Я поняла, что меня постоянно якорили слова отца и не давали поступать так, как хочется мне. – Нина внимательно посмотрела в глаза любимого человека и добавила. – Ты поддержишь меня?

На несколько секунд тишина повисла в воздухе. Виктор ласково смотрел на Нину и обдумывал каждое слово, которое произнесёт. Он прекрасно понимал, что хочет услышать от него Нина, но он должен сказать то, что думает. Так правильное, на его взгляд.

– Любимая, ты ни на йоту не должна сомневаться, что я поддержу тебя всегда и во всём. Я готов взять ответственность за тебя, снять нам квартиру и жить вместе. Ты ведь этого хочешь?

– Да.

– Но это еще больше расстроит ваши отношения с отцом. А как в его глазах буду выглядеть я? Пойми, я не хочу силой забирать тебя у отца, у семьи. Правильнее будет, если отец, благословляя, передаст свою дочь в руки будущего супруга. Давай попробуем решить возникшую проблему мирно. Поверь, так будет лучше для всех.

– Мирно? – переспросила Нина.

- Конечно, – Виктор взял её руку в свою ладонь.
- Чтобы было мирно, ты должен... должен... – Нина замялась и не знала, как продолжить.
- ...я должен? – вопросительно смотрел на неё Виктор.
- В общем, отец считает тебя иноверцем. Прости, я понимаю, это бред. Я ему говорила, я объясняла, но папа совершенно не хочет слушать.
- Нина! Это всё?
- Что всё?
- В этом вся причина, по которой Николай Георгиевич запрещает нам встречаться?
- Я так поняла, да, – неуверенно ответила Нина.
- Тогда считай, что конфликт исчерпан. – Виктор прищурил глаза, довольно потёр ладони и позвал официанта. – Дмитрий, посоветуйте нам что-нибудь необычное из вашего меню.
- Попробуйте блюдо от шеф-повара «Яйцо Бенедикт с лососем на тостах с голландским соусом». Это очень вкусно!
- Ты как? – спросил Виктор одобрения предложенного блюда у Нины.
- Звучит аппетитно.
- Согласились. Нам две порции. Ещё, пожалуйста, чёрный чай с чабрецом и по кусочку восхитительного торта «Микадо». Ты согласна, любимая? Может, хочешь что-то другое?
- Нет, я обожаю этот десерт, – с улыбкой ответила Нина.

Кафе всё больше наполнялось людьми и становилось шумным. За соседним столиком сидела семья с двойняшками лет пяти. Дети были копия друг друга. Глядя на них, Нина не могла понять, как их различают родители. Разве что по игрушечным машинкам, которыми они играли, так как цвет и модель у них были разными. Малыши с удовольствием ели мороженое, а родители, мило общаясь, пили кофе.

– Я тоже хочу сына. Тебе нравится имя Александр? – спросил Виктор у Нины, чем отвлек её от своих мыслей.

– А если дочь, то Александра? – засмеялась Нина.

– Конечно! И глаза твои – изумрудные.

– Виктор, – осторожно начала Нина, – а что значит, конфликт исчерпан? Ты готов... ты сможешь... ммм...

– Да, любимая. Если для Николая Георгиевича это важно, я приму православие, и мы с тобой обвенчаемся. Будем жить поживать, да добра наживать. – Он улыбнулся и передал Нине розу, которую ловко сделал из салфетки.

– Какой же ты хороший. Ты самый лучший! И ты – мой! Нина прослезилась, сознавая, какая она счастливая. И, не сдержав порыва чувств, встала и поцеловала Виктора.

– Нина! Такой я тебя ещё не видел! – удивился молодой человек.

– Я буду удивлять тебя всю жизнь, милый. Ты будешь счастлив.

– Даже не сомневаюсь. О! А вот и наша еда!

Настроение окончательно повысилось, и они решили сходить в кинотеатр на комедию с Джимом Керри «Я, снова я и Ирэн», которая недавно вышла в прокат.

Виктор не стал откладывать в долгий ящик своё решение, и в тот же вечер без четверти восемь они с Ниной стояли на пороге дома Чепкасовых. Елена Евгеньевна очень обрадовалась гостю и пригласила его в гостиную. Сама направилась в кабинет мужа сообщить о том, что его ждут дети. Догадываясь, о чём пойдет речь, скрепя сердце глава семьи всё же вышел из своего «рибата». Хотя немного поиграл на нервах – заставил ждать себя минут двадцать. Бросив сокрушенный взгляд на входную дверь, он направился в гостиную с твёрдым намерением выпроводить наглеца, который посмел послушаться и явиться в его дом. Но увидев растерянный взгляд дочери, сменил гнев на милость. Нина искренне верила, что этот разговор окончательно

расставит все точки над «і», и сейчас силилась разгадать: не обманулась ли она. Николай Георгиевич выжидательно посмотрел на Виктора. Тот пока молчал. Но, словно вспомнив, зачем пришёл, Виктор начал разговор. Чепкасов прыгал взглядом по лицам и видел, как все пристально на него глядят. Этот пустой, на его взгляд, разговор, выводил его из себя. Но он сдерживался, понимая, что неприлично лишать гостя шанса выговориться. Подобная выдержка обходилась ему дорого. Каждый неприятный разговор оставлял нерастворимый осадок, который накапливался и накапливался.

– Это всё? – ровным холодным тоном спросил он молодого человека, когда тот закончил говорить.

– Да, это всё, что я хотел вам сказать, Николай Георгиевич, – ответил Виктор.

– Я ценю твою смелость и решительность, но должен снова повторить своё решение. – Отец посмотрел на дочь, но быстро перевёл свой взгляд на гостя, чтобы не видеть грустных глаз Нины. – Я против ваших отношений и никогда не допущу, чтобы ваша дружба с Ниной переросла в нечто большее. Настоятельно прошу не искать более встреч и забыть о существовании моей дочери.

– Папа! – вырвался истошный крик Нины. – Что ты делаешь? Ты в самом деле не понимаешь, что я люблю этого человека?

– Это всего лишь увлечение, Нина, я уверен, оно скоро пройдёт, – ответил Чепкасов.

– Папа, ты!.. Ты не смеешь!.. – Нина кричала во весь голос.

– Николай Георгиевич, послушайте...

– Всё! – хозяин дома деспотично оборвал разговор Виктора. – Прощайте, молодой человек. Я более не располагаю свободным временем. Вы знаете, где находится выход.

Чепкасов принял независимый вид и уверенным шагом ушёл в свой кабинет.

Нина плакала и уговаривала Виктора сейчас же вместе уйти из дома и больше никогда сюда не возвращаться. Он крепко её обнял, поцеловал солёные от слёз губы и пообещал, что попробует ещё раз поговорить с Николаем Георгиевичем, но немного позже.

– Настойчивость и упорство города берёт! И твоего отца мы тоже уговорим, любимая. Всё будет хорошо. Ты мне веришь? – старался говорить Виктор бодрым тоном.

– Угу, – ответила Нина, шмыгая носом.

Еще раз нежно поцеловав Нину на прощание, Виктор ушёл. Она вытерла слёзы и только сейчас услышала голос матери, доносившийся из соседней комнаты.

Елена Евгеньевна вне себя из-за поведения супруга, забежала следом за ним в кабинет, чтобы поговорить. Она, как могла, сдерживалась, хотя какая-то внутренняя сила понуждала её кричать. От обиды за дочь она плакала, но и это не пронимало супруга, который держал себя так, как будто ни одно её слово не проникало ни в его сознание, ни в сердце. Когда она затихла, Николай Георгиевич не воспользовался паузой, не стал возражать или опровергать её утверждения. Молчал. Решил дать ей высказаться до конца. Он чувствовал, что за все эти дни в ней многое накопилось. Но в глубине души он боялся, что супруга переступит порог дозволенного и скажет такие слова, которые потом невозможно будет взять назад, и может начаться необратимый процесс отчуждения.

Всё утихло. Буря закончилась. Чепкасов остался наедине с самим собой. Он ходил по кабинету и копался в своих мыслях. На некоторое время он дал волю эмоциям. Несколько раз стукнул кулаком по столу с такой силой, что многие документы, сложенные аккуратно в стопочки, разлетелись по кабинету, словно кто-то распотрошил пуховую подушку.

– Как же так могло получиться? – разговаривал Николай Георгиевич сам с собой. – Эти люди не должны были появиться в моей жизни! Ну, ничего, вы меня ещё узнаете. Я вам покажу, кто хозяин этой жизни!

Необъяснимое чувство тревоги и ревности овладело им. Его тяготило осознание того, что, оказывается, не всё в этом мире подвластно его контролю. Бессилие и беспомощность – самые трудные чувства для проживания, и у него должно быть время, чтобы их прожить. Но есть ли это время? Он никак не хотел мириться с тем, что его Ниночка, его маленькая девочка полностью отдала себя во власть этому человеку. Слишком быстро она повзрослела, а отец не успел осознать, что дочь – это личность со своими чувствами и желаниями. Он не понимал, что её внутренний мир был устроен иначе и пытаться его изменить путём навязывания своих убеждений – абсурд. Не меньшим абсурдом было пренебрежительное отношение к выбору дочери, к выбору её сердца. Он считал себя творцом её счастья, забывая о том, что она Божье творение. Стена непонимания росла с каждым днем всё больше.

Чепкасов стал заложником ненависти, ярость застила глаза. И, возомнив себя демиургом, он решил сыграть блиц-партию под названием «Армагеддон». Новоиспечённый властелин судеб судорожно обдумывал каждый шаг, потому что в этой «битве» ему нужна была абсолютная победа.

Елена Евгеньевна очень переживала за свою девочку. Ей так и не удалось выяснить у супруга причину агрессивного поведения по отношению к Виктору и его семье. Всё, что ей оставалось – это утешать дочь и покрывать её редкие тайные встречи с Виктором. Дом погружался в атмосферу угнетающей тишины. Члены семьи стали реже общаться, а Нина, хоть и осталась дома по настоянию Виктора, но старалась избегать совместных трапез с отцом. Она всё больше уединялась и всё чаще плакала. Видя это, глава семьи после долгих раздумий принял решение, о котором никому не сказал, даже своей супруге.

Однажды, в доме Чепкасовых раздался телефонный звонок. Тревожный мужской голос сообщил Елене Евгеньевне, что её муж находится в реанимации.

– У Николая Георгиевича был сердечный приступ, но на данный момент его жизни ничего не угрожает, – сказал дежурный врач.

Перепуганная женщина бросилась в комнату к дочери и попросила её поехать вместе с ней в больницу. Нина безоговорочно согласилась, сильно испугавшись за отца. Через час они уже сидели в кабине врача и внимательно слушали каждое слово.

– Вашему мужу необходим покой, – уверенным голосом говорил доктор. – Ему противопоказаны любые волнения. Видимо, работа окончательно его подкосила. Стресс – дело такое.

Елена Евгеньевна и Нина переглянулись.

– Я бы вам посоветовал на время сменить обстановку, – продолжал доктор, – уехать в тёплые края, отдохнуть, подлечиться.

– Да, да, доктор, мы обязательно займёмся этим вопросом, – встревоженная жена кивала головой и нервно теребила в руках сумочку.

– Если вы решитесь на это, то я могу вам дать адрес моего хорошего друга, прекрасного доктора-кардиолога, который любезно примет вас в свою клинику в Италии и проведет достойное лечение. Дайте мне знать, если вам понадобятся его координаты.

– Спасибо, доктор. Я обязательно вам позвоню.

– Можно нам увидеть папу? – спросила Нина.

– К сожалению, сегодня нет. Ему необходим покой, он спит.

Елена Евгеньевна с дочерью вернулись домой, по дороге заехав в храм и заказав сорокоуст о здравии. Нина чувствовала себя виноватой в том, что случилось с отцом. Она позвонила Виктору и рассказала о сложившейся ситуации, попросила на время прекратить встречи, чтобы не огорчать отца. Ведь, как ни шифруйся, ему всегда всё известно от многочисленных друзей и знакомых. Виктор выразил свое сочувствие и согласился с просьбой любимой.

Через неделю Николая Георгиевича выписали из больницы, и вся семья была в сборе. На семейном совете было решено лететь в Италию. Планировалось провести там месяц, подлечить здоровье и просто отдохнуть. Тем более что там жила родственница отца и давно звала их в гости. Нина была огорчена этим фактом, но не подала вида, чтобы не волновать отца. В своей светлой головке она вынашивала мысли, как ей сообщить об этом Виктору. Нина решила поговорить с мамой, ведь она женщина и должна понять ее в этой ситуации.

– Ты должна сказать Виктору правду, – посоветовала Елена Евгеньевна, выслушав дочь. – Он любит тебя и всё поймёт. Да и к тому же испокон веков любовь проверялась расстоянием.

– Но мне незачем проверять любовь. Я в нём уверена. Просто я очень боюсь его потерять, мама. – Нина положила голову матери на колени и тихо заплакала. – Понимаешь, мама, я чувствую, что нашла свою вторую половинку, я смотрю на него и понимаю, что он идеальный во всём, в нём нет недостатков.

– Твой дедушка, царство ему небесное, был очень умным и начитанным человеком. Он часто приводил мне в пример слова Авраама Линкольна: «Люди, не имеющие недостатков, имеют очень мало достоинств». Не торопись делать выводы. Вы еще слишком мало друг друга знаете. Перед тем, как встретить твоего отца, я любила, как мне казалось, одного молодого человека. Он причинил мне сильную душевную боль, я думала, что не смогу жить без него и уже никогда никого не полюблю. Но бог послал мне твоего отца, моего спасителя. И спустя время я поняла, что никогда прежде я не любила, а только влюблялась. Я молюсь за тебя, доченька, и ты молись и проси у Богородицы помощи и ничего не бойся, потому что мы не можем потерять то, что нам не принадлежит.

– Возможно, мама. Но сердце не обманешь, он – мой человек.

– Это прекрасно, родная, значит, он всё поймёт. Не переживай.

Нина крепко обняла маму и вышла из комнаты. Нельзя сказать, что разговор сгладил её душевные волнения и изменил отношение к ситуации, но то, что ей стало легче, было очевидно. Спустя еще неделю с тех пор, как молодые люди перестали общаться, Нина сама позволила Виктору и назначила встречу в кафе. Николай Георгиевич знал это и не препятствовал. Он позволил дочери спокойно проститься с любимым человеком. Всю дорогу Нина думала, как начнет разговор, что скажет, сможет ли сдержать слезы. В это же время Виктор летел на свидание на крыльях счастья и думал, что наконец-то отец Нины сменили гнев на милость и они смогут возобновить своё общение и встречи, пусть даже редкие, но такие желанные.

Тишина. Глубокая тишина, режущая слух и пронзающая душу, повисла вокруг. Будто разом всё смолкло. Ком в горле не давал вымолвить ни слова. «Я улетаю... Я улетаю...» эхом раздавалось в голове у юноши. Не разжимая руки любимой, он смотрел в её глаза, будто предчувствуя, что это их последняя встреча.

– Знаешь, я порой замечаю, что мы думаем об одном и том же. С каждым днём нас всё больше затягивает водоворот чувств. Но я уже не могу по-другому. Я хочу ощущать всю прелесть и красоту жизни с тобой – моим любимым человеком. Ты просишь меня отдаться воле Божьей, но Нина! Как я буду жить без тебя?

– Разлука будет недолгой. Я скоро вернусь, любимый.

– Не важен срок расставания. Важен факт – отпустить, значит, пойти против своего сердца.

– Милый, ты должен меня понять. Я не могу поступить иначе. Я чувствую себя виноватой в том, что у папы ухудшилось здоровье.

– А я чувствую, что буду ненавидеть себя за это всю жизнь. Чтобы жить в мире с самим собой, нужно не врать себе. Ниночка, я должен что-то предпринять, чтобы потом не сожалеть. Я должен!

Прогуливаясь по улицам под мелким накрапывающим дождем, Нина и Виктор держались за руки так крепко, что если бы кто-то из прохожих посмел пройти между ними, то несомненно отскочил бы, словно мяч, от крепкой ручной хватки, похожей на дебелий канат, что словно рушник, объединив их руки, объединил и судьбы, заверившись поддержкой неба. Небо будто бы благословляло их дождем, как святым елеем, что словно бальзам на время залечивал их душевные раны. Остановившись в сквере, где когда-то они познакомились, Виктор попросил Нину сложить ладони вместе, словно она набирает воду, чтобы умыться, и сам сделал то же самое.

– Смотри, любимая, – пристально и нежно глядя ей в глаза, сказал Виктор, – в моей пригоршне находится моя любовь, моя преданность и моё сердце; всё это я дарю тебе. И никто другой не сможет обладать этими дарами ни сейчас, ни потом. Когда тебе будет грустно или больно, сложи пригоршню и поднеси к груди, и её содержимое согреет твою душу.

Виктор поцеловал Нину. Горячий поток нежности, словно гейзер, готов был в ответ вырваться наружу и ошпарить стоящего рядом человека. Так способны любить только люди с чистой, ещё наивной душой, верящие в любовь с первого взгляда.

Вечерело. Пара бродила по улочкам и совсем не заметила, как наступившие сумерки завершили день. Двое любящих людей простились.

Николай Георгиевич предупредил своего партнера по бизнесу, что будет временно отсутствовать в России, и попросил подстраховать его в делах, если возникнут проблемы. В любом случае, он был спокоен, так как весь бизнес был налажен, как механизм швейцарских часов.

Вскоре огромный самолет, рассекая крыльями синюю рябь неба, бесцеремонно уносил в безмятежном полете семью Чепкасовых и юную девушку, которая закрыв глаза, тихо плакала над своей несчастной судьбой.

А где-то там, уже в далекой Москве, один грустный молодой человек поднялся на мост «Багратион». Почему ноги привели его именно в это место? Может, потому что этот мост сильно напоминает аэропорт. И он хотел бы взять разгон и взлететь птицей ввысь, да только судьба никак не дает зелёный свет. Виктор пристально вглядывался в воды реки Москвы, в которой отражалась полная луна. Насыщенно жёлтая, апельсиновая, как знак «Внимание!» – ожидается боль и грозные тучи. Он остро ощутил себя отблеском луны на воде, в котором сконцентрировалась вся его жизнь. И эта жизнь казалась ему бессмысленной без Нины. Он стоял, увязший в своей нерешительности и ненавидел себя за это.

* * *

Италия встретила теплой солнечной погодой. Чистый свежий воздух проникал в легкие и разливался по всему телу. Двоюродный племянник отца Эдик встретил семью в аэропорту и повёз домой, показывая попутно местные достопримечательности. Чистые узенькие улочки, выложенные камнем, радовали своей незаурядностью. Дома, утопающие в зелени, быстро проносились мимо, вызывая восторг пассажиров. Дорога была приятной и относительно недолгой. Местечко, где жила родственница Николая Георгиевича, называлось Бавено – небольшой городок, расположенный на берегу озера Маджоре. Уютный, чистый, с множеством красивых вилл. Он также являлся курортным местечком, которое пользовалось популярностью еще со времен Римской империи. Несмотря на спокойствие и умиротворенную атмосферу, здесь было много разных ресторанчиков и небольших торговых центров. В основном это были маленькие магазинчики, расположенные внутри жилых домов и занимающие первые этажи. Жители здесь отдавали предпочтение местным винам, которые продавались в частных магазинах. Каждый производитель вина берёт свою репутацию, поэтому качество божественных напитков было на высоте. Бавено, как и многие итальянские городки, поднимался вверх на гору. Наверху можно

было обнаружить «другой» Бавено с узкими улочками и своей жизнью. Именно на одной из таких улочек и жила тетя Камилла. Радостными криками и крепкими объятьями встретила она каждого из гостей и горячо расцеловала. Это была большая полная женщина лет шестидесяти пяти. Черные волосы, разделенные ровным пробором редине без единой сединки, были собраны в тугий пучок. Две черные брови-дуги широко расположились над огромными карими глазами, которые обрамляли пушистые ресницы. Да, эта женщина явно следила за модой и ухаживала за своим внешним видом. Мясистые губы её были покрашены сочно вишневой помадой, гармонировавшей с цветом её глаз. Несмотря на свою полноту, она была подвижна и активна. Женщина производила впечатление добродушного человека с легким, покладистым характером. Проводив всех в дом, который был красив как снаружи, так и внутри, она дала гостям несколько минут на передышку от дороги, а затем гостеприимно пригласила к столу, пестревшему разнообразием блюд. Оливки и маринованные овощи, каперсы, сыры и морепродукты – всё безумно хотелось попробовать. Затем тётя Камилла подала на стол лазанью, ризотто и равиоли. К превосходному обеду хозяйка дома предложила легендарное Кьянти, которое производят в самой прекрасной винодельческой области – Тоскане. За обедом Николай Георгиевич рассказал родственнице о своей жизни, работе и о том, что с ним произошло, и что по состоянию здоровья он с семьей вынужден был перебраться в Италию, о чем ни капли не сожалеет, а только рад этому обстоятельству. Нина на вопросы тети отвечала лаконично, стараясь улыбаться, хотя внутри была погружена в грусть. Затем любезная и общительная родственница пригласила всех пройти в уютный тенистый сад, где стояла плетёная мебель. Там она угостила всех потрясающим десертом, состоящим из аффогато – это шарик мороженого в горячем эспрессо, бискотти – сухое рассыпчатое печенье и амаретти – небольшое миндальное печенье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.